

Вета Янева

ГАРЬ

Красные псы Калахута: том первый

Вета Янева

**Гарь. Красные псы
Калахута: том первый**

«Издательские решения»

Янева В.

Гарь. Красные псы Калахута: том первый / В. Янева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518463-4

Слепой пёс бредёт через лес. Он не видит ничего в округе, не чувствует жизни: идёт, потому что должен идти. Открывает алую пасть над одиноким деревцем: с красных клыков падает красная капля и остается на траве, а пёс сжимает челюсти, и вспыхивает огонь. Сначала дерево начинает тлеть, искра становится всё ярче и ярче, и вот — перед псом уже костёр. Пёс идёт дальше. За его спиной — целая стая таких же, слепых и алых, они идут сквозь огонь, не обращая на него никакого внимания. А мир укутал пожар.

ISBN 978-5-00-518463-4

© Янева В.
© Издательские решения

Гарь

Красные псы Калахута: том первый

Вета Янева

© Вета Янева, 2020

ISBN 978-5-0051-8463-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-8464-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красные псы Калахута

Книга первая

Гарь

Пролог, когда все были детьми

Калахут

Маяк мигнул последний раз и погас.

Как показалось последней прибрежной чайке – навсегда.

Вражка

Солнце плело ажурные узоры из теней, а Вражка выводила их силуэты пальцем на грубом дереве, аккуратно огибая светлые участки. Вокруг царил праздник: родители устроили целый пир в честь её первой декады, украсили двор фонариками, напекли пирожных, пригласили гостей – однокашников, дворовых друзей, соседей, многочисленных тётушек и дядюшек, старую ведьма по имени Скилава, Лизу, Нешу, Одуванчика... Все пришедшие вели себя как полагаются: радовались, смеялись и хватали со стола угощение.

Вражка сидела в самом красивом платье – голубом с рюшами, ажурным лифом и пышными рукавами. Волосы она собрала очень аккуратно: сложила мягкие пряди в замысловатый пучок и закрепила незабудками, а щёки натёрла маминой помадой, отчего природный румянец расцвел розой.

Мама подошла и погладила её по волосам:

– Ты довольна, милая?

Вражка окинула взглядом счастливых гостей, их улыбки и смех, их Свет и самые искренние пожелания.

Должно быть, она самая счастливая девочка в мире.

– Да, мамочка. Всё хорошо!

– Ну и славно. Думаю, уже можно распаковывать подарки!

Именинница захлопала в ладоши, прыгнула со стула и присела на колени перед ясенем, где и были сложены все коробочки и свёртки, яркие и пёстрые, словно цветы.

Вокруг тут же столпились любопытные дети.

Вражка начала распаковывать дары: красивую картину с единорогами, очаровательный чайник, несколько книжек, альбом для рисования, карандаши, ступку, энциклопедию трав, куклу (Вражка только горестно вздохнула – когда уже поймут, что она взрослая?), игрушечную собачку (против которой девочка ничего не имела, это же не кукла), колечко из цветов в смоле, зеркальце из красного дерева, духи с запахом роз и красивый резной браслет с голубыми камешками.

По традиции подарки дарились анонимно, поэтому, открывая очередной пакет Вражка горячо благодарила неизвестного “в воздух” и восхищалась красотой дара, а потом уже, по улыбкам, угадывала, кто это. Вот только на зеркальце никто не отреагировал гордостью дарителя, но Вражка рассудила, что он, должно быть, уже пошёл домой, и не слишком расстроилась. Кто бы что ни говорил, но главное – чтоб подарок остался, а гость ушёл. Не наоборот.

Праздник закончился около полуночи, когда все вдоволь наелись, напелись (а некоторые, особо взрослые гости и напились) и натапцевались. Все три спутника Калахута уже сияли в небе среди бесчисленной россыпи звёзд.

Мама зажгла уличные фонари, гости начали расходиться, сонно прощаясь с хозяевами торжества и желая Вражке всего наилучшего в предстоящей декаде. Вражка вежливо благодарила, надеясь, что они поторопятся и она побыстрее пойдёт спать.

Наконец, двор опустел. В честь праздника девочке разрешили не убираться, поэтому она утащила со стола черничный пирог и малиновый компот, а после сразу же отправилась в комнату, широко зевая на ходу.

В её спальне уже горела свеча, и свежая травяная подушка пахла летом. Вражка скинула платье, бросив его на стул, распустила волосы, натянула сорочку. Сорочка была старой, дырявой, в мелкий цветочек и с ажурной каёмочкой, но именинница так её любила, что не рассталась бы ни за какие коврижки. На стенах комнаты красовались растительные узоры: мама рисовала скучные доски, и сама Вражка приложила руку к василькам в углу. Светлые шторы слегка колыхались от сквозняка (надо не забыть закрыть окно), уютная кровать с толстым пуховым одеялом так и манила, но Вражка хотела ещё раз осмотреть подарки. Отец уже сложил их аккуратной грудой у стола, так что оставалось только вытащить на свет. Один за другим Вражка выудила дары и положила рядом с лампой.

Все книги были очень интересными: одна про собак, ещё одна про какое-то приключение под названием “Дни дружинника-сироты”, рассказы “Дом в грибном королевстве”, “Небесные гимны” (эту Вражка уже читала) и скучный альманах “История Калахута: от взмаха крыльев Мотылька до наших дней” (и кому пришло в голову такое дарить ребёнку?). Отложив книги, Вражка протестировала карандаши, нарисовав себя верхом на драконе, подвинула в сторону чайник – без воды его не опробуешь – аккуратно посадила куклу и собачку на кровать и достала зеркальце. Поднесла его к свече, попыталась разглядеть узор. Красивый, но непонятный. Кажется, какие-то цветы. Повернула отражением к себе, полюбовалась на синие глаза, гладкие русые волосы, хорошенький носик и очаровательную улыбку. Вражка себе нравилась. Повезло ей родиться красивой!

Внезапно что-то белое промелькнуло за её плечом. Девочка обернулась, но увидела лишь привычную стену. Нахмурившись, снова посмотрела в зеркальце. Так и есть: какое-то белое пятно на том месте, где обычно тёмное дерево. Ещё раз обернулась. Снова ничего.

Она поскребла пальцем холодную поверхность зеркальца, пытаясь оттереть пятно, но безуспешно. Тогда, с замирающим от страха и любопытства сердцем, она чуть повернула стекло, поймав большой кусок пространства за спиной.

Сработало: отражение выхватило чьё-то лицо. От испуга Вражка чуть не выронила подарок, но, прикусив губу, взяла себя в руки и вгляделась в изображение.

На кровати сидел молодой мужчина возраста примерно двух декад, не старше: светлые, почти белые волосы до плеч, глаза полуприкрыты и, казалось, были чуть воспалены, словно он не спал уже целую вечность. Из одежды на нём была лишь просторная рубаша и штаны, а обувь отсутствовала вовсе. Мужчина внимательно наблюдал за ней, по-собачьи наклонив голову.

Вражке стало неуютно. Она снова обернулась. Безрезультатно. Прикусила губу, нахмурилась, не отрывая взгляда от пришельца, затем, обернувшись, приветливо помахала рукой туда, где, в теории, должен был сидеть гость.

Быстро обернулась к зеркальцу – там мужчина поднял руку и помахал в ответ, улыбнувшись.

Вражка вскочила. Так значит он здесь! Сидит позади! На её кровати! Он снова помахала, не оборачиваясь, и он продублировал её движение. Словно сам был отражением, а не был в отражении.

Всё внутри девочки задрожало, ладони вспотели. Преодолев комок в горле, она спросила, тихо, но ясно:

– Вы меня слышите?..

Она лишь понадеялась, что её не услышат родители, а вот мужчина кивнул.

Вражка тихонько пискнула от восторга. Вот так поворот! Настоящая сказка: у неё в зеркальце (точнее, за ним, но она ещё не разобралась) настоящий заколдованный человек.

– О! – сказала она. – О, как здорово. Здорово что вы меня слышите.

Он ничего не сказал. Вражке страшно захотелось разглядеть его поближе, и, взяв фонарь, она попятилась к кровати. Жёлтое сияние свечи никак не сказалось на госте, словно в его зеркальном мире был другой источник света, холодный, зимний, из-за чего весь человек казался скованным льдом даже в такую жаркую летнюю ночь. Но лицо Вражка смогла разглядеть: прямой нос, высокие скулы, немного раскосые серые глаза. Красивый, но словно ненастоящий. И грустный.

Незнакомец выглядел как принц с какой-нибудь иллюстрации из книги “Король снежной страны”.

– Маяк горит! – сказала Вражка.

Он снова улыбнулся. В улыбке этой не было тепла, одна усталость, но оно и не удивительно – быть запертым в зеркале! Девочка то и дело оборачивалась, надеясь, что каким-то волшебным образом он появится тут, но этого не происходило, и она снова впивалась взглядом в отражение.

– Как тебя зовут? – спросила она, резко переходя на неформальное общение.

Пришелец немного нахмурился. Пожал плечами.

– Ты не знаешь? – спросила Вражка.

Он помахал рукой.

– Может, ты можешь написать?

Пожал плечами.

– Подожди, пожалуйста. Я запуталась. Ты знаешь, как тебя зовут?

Кивок.

– Но написать не можешь?

Нет.

– М... Ладно, давай пойдём по алфавиту, как в школе? Первая буква твоего имени – А?

Нет.

– Б?

Нет.

– В?

Нет.

– Г?

Да.

Вражка расцвела.

– Г! – воскликнула она! – Это Г! Отлично, просто отлично. О, как я надеюсь, что у тебя короткое имя.... Давай дальше, вторая буква твоего имени – А?..

Через полчаса имя незнакомца было бережно написано в тетради.

– “Гран”, – резюмировала Вражка. – Тебя зовут Гран?

Кивок.

– Ооо...красивое имя! А меня зовут Вражка. Красиво, правда?

Гран подождал несколько секунд, а затем кивнул. Рука Вражки уже устала держать зеркало, пришлось поставить локоть на колено.

– Гран, а ты заперт в зеркале, да?

Он отрицательно покачал головой.

Хрупкая, но уже надёжно построенная теория Вражки рухнула.

– А... А где тогда?

– Милая, ты чего не спишь? С кем ты говоришь?

Дверь распахнулась, и мама заглянула в комнату. Она никогда не стучалась, отчего в доме случались ссоры, но сейчас Вражке было не до этого: она не успела спрятать подарок.

– Ну и ну! – мама сложила руки на груди. – Со своим отражением разговариваешь! Я понимаю, что ты у меня красавица, не не возгордись, а не то накаркаешь! И давай-ка спать, уже поздно! А ну-ка, – она выхватила зеркало и положила его на стол, – давай ложись.

– Но мам...

– Никаких “но”! Я понимаю, что у тебя праздник, но не наглей. Тебе утром в школу вставать, не забывай об этом.

Вражка подумала было показать маме отражение. Увидит ли она там человека? Как отреагирует? Но быстро откинула эту мысль: если мама ничего не заметит – объясняться придётся долго.

Мама потушила лампу и накрыла дочь одеялом. Поцеловала на ночь, закрыла за собой дверь, и как только её шаги стихли, девочка выскользнула из кровати, схватила зеркало и шмыгнула обратно. Спутники светили ярко, и в их голубоватом свете она разглядела своего ночного гостя. Он всё так же сидел на кровати, глядя на неё.

– О, ты не ушёл! – прошептала она. – Прости, это моя мама, она добрая, но это... дисциплинированная, во! Поэтому я не буду зажигать лампу, чтоб она нас не засекла. Скажи, а она увидит тебя, если посмотрит в зеркало?

Гран пожал плечами. Потом наклонился, положил локти на колени, а ладонями подпер голову. Улыбнулся.

Поза была такой непринуждённой, и девочке тут же показалось, словно гость – это лучший друг, который пришёл её навестить среди ночи, принёс молоко, печенье, сейчас расскажет интересную историю и споёт колыбельную. И словно знают они друг друга целую вечность, и прошли вместе через огонь, воду и медные трубы.

Её совершенно не смутило, что по факту это незнакомец, непонятно как и почему оказавшийся в зеркальном мире её спальни.

Чувство волшебства переполняло.

– Гран! Гран! А ты человек?

Нет.

– О... ты... ты баш?

Кивок.

– Ооооо! Здорово как! Мне говорили, что вы жуткие, но я не думаю, что это правда. Говорят, Грема на четверть баш, а она такая красивая, но ты её, наверное, не знаешь... Так, хорошо, а ты ведь не в зеркале, да? Ты сказал... Показал. А где тогда?

Он махнул рукой куда-то вдаль. Понять точное направление, очевидно, невозможно.

Вражка зевнула. Усталость навалилась на неё: веки налились свинцовой тяжестью, голова стала тяжёлой.

– Слушай, а если я посплю, ты не исчезнешь, а? Ты же спишь? Башы спят?

Гран демонстративно зевнул и завалился на бок, положив ладони под щеку. Вражка хихикнула и тоже легла. В отражении он лежал совсем рядом, и она украдкой провела рукой там, где должно было быть его плечо, но ощутила лишь пустоту.

– Спокойной ночи, Гран, – прошептала она, покраснев.

Он кивнул, но глаз не закрыл. А она, посмотрев в серебряную поверхность стекла в последний раз, убрала зеркальце под подушку.

Прошло около шестидесяти дней с дня рождения. С зеркальцем Вражка теперь не расставалась ни на секунду: оно было с ней и в школе, и на прогулке, и в комнате. Когда рядом не было никого, украдкой доставала зеркало и говорила со своим другом. Она взяла в библиотеке книгу по языку жестов и вдвоём они учили нужные знаки, разбирая их по словам: читать её новый друг не умел и букв не понимал. Диалог выходил весьма сносным, хотя и медленным, и с периодическими конфузами. Один раз Гран рассказывал, как залезал на ель, а Вражка поняла это как “залезал на ежа” и долго не могла уловить контекст, хотя и смеялась.

Её очень беспокоило, что Гран не стал выглядеть лучше: всё та же почти белая кожа, круги под глазами и бесконечная усталость на лице. Девочка старалась развеселить его как могла: показывала свои любимые места, дом и друзей, отражала для него солнечный лес, каждый цветок, каждую зверюшку и птичку, что смогла отыскать. Иногда она ложилась на изумрудную траву, поворачивала зеркальце в небо и давала своему другу полюбоваться облаками. По вечерам заваривала чай, ставила зеркало напротив и вела долгие разговоры, где одно предложение занимало полчаса.

В один вечер Вражка сидела на кровати рядом с открытым окном. Солнце уже уходило спать, сверчки напевали свою колыбельную, пахло сеном и чаем. Зеркальце стояло не тумбе рядом с чашкой и слегка туманилось от пара. Гран наблюдал за клубами с той стороны.

“В этом чае мята, – показала Вражка, сверяясь с книгой. – Ты любишь мяту?”

Для такого предложения ей надо было сложить ладошки вместе – чашка, потом потереть палец о палец – начинка-в-чашку, затем показать жестом росток и показать мятный листочек.

Конечно, она могла говорить и вслух, но в общении жестами была какая-то особая таинственность, хотя у них и без того было немало секретов.

Гран пожал плечами.

“А что ты любишь?” – спросила Вражка (ты – указать на Грана, любовь – приложить ладонь к Свету, прямо под рёбра, и два раза ударить, а затем провести рукой к сердцу).

“Пить!” – он повернул голову направо, налево, пожал плечами.

Он ухмыльнулся.

“Вино”.

Вражка хихикнула.

“Я могу стащить у папы вино и показать тебе, хочешь?”

Баш покачал головой.

“Бесполезно”.

Горестно вздохнув, девочка взяла чашку и отпила немного горячего напитка. За всё время, что она и баш провели вместе, она поняла, что этот бедняга – король, которого злые башки свергли с трона и заперли в какой-то тюрьме, которая одновременно и дерево. Но за что, почему и, самое главное, что с этим всем делать, Вражка так и не узнала.

“Слушай, а сколько тебе декад?” – спросила она.

“Не знаю”.

“Ты застал войну людей с башами?”

“Нет”.

“А правление Елены?”

“Не думаю. Я не помню имён”.

“Может, ты застал деревню, что ушла под воду из-за плотины?”

“Да”.

“Тогда тебе не меньше сорок одной декады!”

“Да. Сорок одна”, – он показал “четыре” и “один”.

Вражка помотала головой, переспросила и получила все тот же ответ. Удивилась: сорок одна декада – это же страшно долго! Так долго даже дедушка Игорн не жил, а он – та ещё развалина!

“Ты очень старый”.

“Да”.

“Все баши такие старые?”

“Некоторые старше”.

“А ты можешь сотворить магию?”

“Да. Но не здесь”.

Гран много раз рассказывал (точнее, показывал) Вражке про волшебство. Она слушала, раскрыв рот, представляла остров Цветов, всю магию растений, ветров и чудеса острова. Конечно, сама она тоже знала несколько ведьм и волшебников, но они не могли делать и половину таких потрясающих вещей, как баши. Гран пообещал научить её магии... когда-нибудь. И этого момента Вражка ждала чуть ли не больше, чем освобождения Грана, потому что когда он освободится – то уйдёт на свой волшебный остров, а если Вражка будет тогда уже ведьмой – он, возможно, возьмёт её с собой.

Конечно же, в силу детской наивности и первой влюбленности, Вражка распланировала уже всю свою жизнь рядом с Граном: представляла, как вместе они будут царить на острове Цветов, как она покажет родителям своего красавца-мужа и они скажут “ну ничего себе”, как она подарит ему свободу и король, выйдя из тюрьмы, как в сказке упадёт на колени и признается, что полюбил её с первого взгляда.

Все эти фантазии царили у неё в голове, заставляли краснеть и смущаться. Прекрасные светлые мысли, не омрачённые ничем, даже суровой реальностью.

Вражка сделала глоток и накинула на плечи мягкую шаль.

“Ты не узнал, где ты?”

“Нет. Пока нет”.

“А что ты видишь?”

Он улыбнулся, указал пальцем на девочку.

“Тебя”.

Она смутилась, но улыбнулась в ответ.

“Я могу подходить к каждому дереву и стучать”.

Он беззвучно рассмеялся. Помахал рукой.

Во дворе залаяла собака. Вдалеке закричал какой-то мужик. Тёплый летний ветер ворвался в комнату, разворошил бумаги на столе, принёс пару соринок и потрепал волосы Вражки, скинув их с плеча. Она с удовольствием зажмурилась, но тут же с грустью подумала, что у Грана-то там ветра нет.

“Я обязательно тебя освобожу, – показала она. – Но только надо узнать, как”.

И он улыбнулся.

Тяжелая сумка билась о бедро, юбка путалась в ногах. Вражка бы с удовольствием села на оленя, но там уже ехала Шана – дочка их приятеля, повредившая ногу, поэтому Вражка плелась за остальным караваном, глотая дорожную пыль и надеясь, что привал будет скоро.

Отец шёл вместе с другими торговцами, мама осталась дома, а болтать с кем-либо у девочки не было настроения. Точнее, она с удовольствием поболтала бы с Граном, но не на ходу при всей веренице чужих лиц и любопытных носов.

Олень тоскливо загудел, опустив голову. Он тоже устал: тюки натирали прочную шкуру, а воды он не пил давно. Колокольчики на его рогах и седле звенели всё глуше и глуше.

Караван из тридцати человек и десяти оленей двигался на юг. Обычно Вражка не ездила с отцом на всякие торговые дела – ей это было не интересно – но желание найти дерево-тюрьму было так велико, что девочка, на радость родителей, начала напрашиваться в каждую поездку. Мама гладила её по волосам и отпускала в путь-дорогу, а отец гордо рассказывал коллегам, какая умница и предпринимательница у него растёт.

Раздался звук рога. Привал! Вражка рухнула там, где стояла. Они шли уже неделю и отдыхали очень-очень мало для такого-то долгого пути.

Папа подошёл, протянул флягу с водой:

– Враженька, ну чего ты разлеглась прямо здесь. Вставай, нам ещё обед готовить! Поедим и отдохнём.

Девочка застонала, но кое-как поднялась. Дошла до костра, где уже звенели кастрюли, раскладывались коврики и затевались споры, почистила несколько картофелин, а потом, убедившись, что за ней никто не наблюдает, побежала в лес.

Лес был светлым и просторным: берёзы и дубы, незабудки и одуванчики, ярко-фиолетовые каапы и повсюду – дурманивший аромат полыни. Пели птицы в ветвях, мимо пробежала белка, прошмыгнула земляная лягушка. Дятел ритмично постукивал по дереву. Пахло землей и смолой.

Вражка широко-широко раскинула руки, вдохнула полной грудью. Затем выхватила из сумки зеркало и закружилась, поставив его в переплетение корней.

– Смотри, как тут красиво! – сказала она, не утруждаясь жестами.

Гран любовался миром в своё маленькое окошко реальности.

“Очень. Скучаю по лесу”.

– Ничего, не переживай, скоро ты его снова почувствуешь.

Она села на землю, спиной облокотилась на березу.

– Что теперь?

“Теперь ты должна почувствовать всю землю, все деревья. Каждую тропинку и травинку. И почувствовать меня”.

Вражка пригорюнилась.

– Но мы это делаем каждый день, весь поход. Нет более сильного заклинания? Может, сварить зелье поиска или что-то такое?

На лицо баша легла тень.

“Нет. Придется делать так всё время, пока не найдешь”.

Вражка вздохнула. Ей говорили, что учиться волшебству очень муторно, но она даже не представляла, что это так однообразно! Понятно теперь, почему среди людей так мало колдунов: все померли от скуки.

Но всё же она повторила уже заученный ритуал: почувствовала дерево, землю, мир вокруг. Отринула все мысли из головы и вцепилась в зеркальце. Стала проводником между понятиями “Гран” и “Мир” и начала прощупывать каждый миллиметр леса.

Внезапно распахнула глаза.

– Послушай!..

Гран немного наклонил голову, наблюдая.

– Я чувствую что-то там, справа. Словно какую-то дрожь.

“Может быть, это оно”.

– Попробую ещё раз.

И она снова закрыла глаза. Под веками замерцали звёзды. Со стороны стоянки раздался крик и женский смех: наверное, Вольга опять клеился к девкам. Вражка с раздражением отмела все лишние звуки из своего мира и почувствовала едва уловимую дрожь из мира чужого. Будто сам воздух трепетал вокруг, шёл мелкой рябью и щекотал кожу.

Девочка шагнула вправо. Дрожь усилилась совсем капельку, но всё же.

– Оно там! – сказала она другу. Щёки горели от возбуждения, а глаза лихорадочно блестели. – Точно там, я уверена! Только не знаю, как далеко. Мы-то идём в другую сторону....

В зрачках Грана появился какой-то иной блеск.

“Ну так сходи, проверь, – показал баш. – всё равно вы отдыхаете”.

Девочка с тоской прислушалась не только к миру, но и к своим ноющим ногам.

“У тебя так замечательно получилось ворожить, – продолжил Гран. – В первый раз вижу такого талантливое человека”.

Этих слов было достаточно, чтобы Вражка, не раздумывая больше ни секунды, отправилась в путь. Может, эта тюрьма где-то поблизости, и она успеет быстро вернуться назад к обеду?

Но лес становился всё глубже и темнее. Ветки кустарников недружелюбно хватали девочку за юбку, будто призывая прекратить, но она игнорировала это предупреждение.

Иногда она останавливалась, сверяясь с ощущением-направлением. Казалось, прошло уже больше двух часов, и папа давно должен был её хватиться, но Вражка была уверена, что когда вернётся вместе с королём острова Цветов – папа быстро всё поймёт.

Земля под ногами захлюпала. На кожу сел комар, которого Вражка рассеянно прихлопнула и смахнула мёртвое тельце на осоку. Запах тины не оставил сомнений: болото.

“Сорви палку и прощупывай путь, – наставлял Гран. – Если уйдёшь в трясину – никакая магия не поможет”.

Вражка послушно подняла с земли ветку и медленно пошла через топи. Дрожь в воздухе и россыпь звёзд перед глазами стали почти невыносимыми, и от этой силы хотелось выть и бегать, но юная ведьма сдержалась.

Лягушки завели свою серенаду. Рогоз выстукивал чечётку.

Внезапно прямо посреди болота девочка увидела Дерево. Именно Дерево с большой буквы, ведь говорить про это Дерево с маленькой было бы оскорблением.

Дерево стояло на небольшой опушке, и было больше любого дуба и, казалось, выше любой сосны. Под его кроной легко могла спрятаться вся Вражкина школа, а узловатые ветки и старая шербатая кора просто призывали к практическому древолазанию.

Вражке пришлось задрать голову до упора, чтобы более-менее разглядеть верхние ветви, но из-за слепящего солнца они терялись в небе. Она почувствовала страшное давление в переносице, вот-вот хлынет кровь. На всякий случай прикрыла нос ладонью.

Всю её суть, Свет, тело тянуло к этому Дереву, но она не потеряла голову и не кинулась через трясину, а продолжала медленно, но уверенно, продвигаться по более-менее сухим местам. В ботинках немилосердно хлюпало, один раз она споткнулась и ушла по колено в тину, но выбралась, ухватившись за какой-то куст.

В конце концов грязная, мокрая и уставшая она рухнула на твёрдую опушку, зарылась лицом в траву, перевернулась на спину и с шумом вдохнула.

Мимо пролетела стрекоза, не обращая на гостью никакого внимания.

Раз-два-три.

Последний рывок.

Все конечности ужасно ныли, голова гудела, а перед глазами расцветали тёмные круги. Страшно хотелось пить, но вода кончилась давно, и теперь в горле неприятно скребло.

Но это всё было неважно.

Сейчас имело значение только Дерево.

Вражка робко приблизилась к нему, дотронулась до шершавого ствола. Он был тёплым и слегка шевелился, словно дышал.

– Гран! – крикнула она, прислушиваясь к коре.

Но ответа не последовало. Девочка достала зеркальце.

Гран выглядел немного рассеянно, в глазах блуждала тревога.

“Я тебя слышу”.

Начав было отвечать руками, юная ведьма спохватилась и сказала:

– Правда? Ты слышишь меня вот сейчас? Но ты же всегда меня слышишь... Ты имеешь в виду, что слышишь меня... э...не по-волшебному?

Он кивнул.

– Отлично. Но... – она глянула на мощный древесный ствол. – Но что мне делать, Гран? Ты внутри этого дерева?

Снова кивок.

Тут на Вражку напало отчаяние. Она смотрела то на зеркало, то на дерево, то на зеркало, то на дерево и беспомощно открывала рот, надеясь, что у неё резко пробудится талант дрово-сека.

– Но Гран, я не могу его срубить!

Он закатил глаза. На лице появилось заметное раздражение, и Вражка почувствовала себя очень-очень виноватой в том, что она такая неумелая ведьма.

“Залезь наверх, – показал её друг. – Может, туда можно войти”.

Вражка ещё раз отчаянно посмотрела на Дерево, убрала зеркальце в карман юбки и полезла. Ей никогда особо не удавались прыжки, подтягивания и кувырки – в общем, физическая активность. Великой древолазкой её тоже не назовёшь, но ветки Дерева словно специально были расположены для удобства любого гостя, лишь один раз сучок обломился под ногой, и Вражка, холодея от страха и адреналина, вцепилась в ствол как безумная белка, зажавшись. Открыв глаза, обнаружила, что она не упала. И зеркальце на месте.

Поднявшись на высоту трёх метров, села на толстую ветвь и уставилась на дупло. Оно было достаточно большим, чтобы девочка могла пролезть внутрь и достаточно тёмным, чтобы ей совершенно не хотелось этого делать.

Вот будет смешно, если король спит в дупле, как какой-нибудь филин!

Крикнула:

– Эгей, соня! Ты там?

Эхо, разлетевшиеся по полости дерева, было таким сильным, словно там было не дупло, а целая пещера. Посмотрев в зеркало, Вражка впервые за долгое время обнаружила там только себя, но ни следа друга. Испугавшись, снова прокричала:

– Гран, ты там? Я не могу тебя увидеть!

Из чрева Дерева пахло сиренью и мятой. Немного смолой. Вражка протянула руку, и кисть её тут же потерялась в темноте.

Как жаль, что она забыла фонарь! Но, кажется, где-то в сумке были спички: с их помощью Вражка разводила костёр на предыдущей стоянке. Пошарившись, выудила заветный коробок, чиркнула головкой спички о его бок, и пламя зажглось. Правда тьма дерева очень быстро его потушила, позволив разглядеть только робкие пылинки в воздухе.

Тут Вражка немного разозлилась: не позволит она какой-то глупой темноте помешать спасти её друга!

Заглушая страх клубком змей в животе, она подалась вперёд. Пыталась прощупать пространство, но наткнулась лишь на пустоту, даже стенок Дерева не схватить. И вот, ладонь нащупала пол, кажется, из мха.

Оперевшись на него, девочка подалась вперёд, чтобы проползти дальше.

Раздался тихий треск и там, где был мох, образовалось *ничто*, и *ничто* это утянуло незваную гостью за собой.

Она кувырком полетела вниз, ударившись головой обо что-то твёрдое, ободрала щеку. крик вырвался из горла, ветер рвал волосы и одежду, все внутренности прилипли к позвоночнику и стремились покинуть тело. Вражка кувыркалась в непроглядной темноте и полёт её

продолжался вечность. Всё, что она могла – это вцепиться в зеркальце и молиться Мотыльку о спасении.

Резкий удар.

Лес сотряс такой взрыв, что все птицы разлетелись и не возвращались на это болото ещё долго.

Вражка открыла глаза. Голова страшно болела, перед глазами всё плыло и искрилось, одинокий цветочек, имя которому так и не было дано, устало качался туда-сюда. Воздух пропитался гарью, дым клубился над землёй, а цветок укоризненно качал своей пёстрой головкой, словно бы осуждал происходящее.

Борясь с тошнотой и болью в теле, Вражка привстал на локтях, подняла голову.

На месте Древа теперь был пенёк. Он горел и тлел, клубы чёрного дыма улетали в небо, делая его из голубого грязно-чёрным. Алые прожилки огня прорезали кору.

Смотря на останки тюрьмы, девочка откинулась было назад, но сопоставив всё, вскочила, схватилась за карман.

Зеркальце! Хоть бы не разбилось!

Начала панически осматриваться кругом, бесцельно шаря руками по земле. Глаза защищало и Вражка ругала себя, уговаривая не отчаиваться, хотя уже не очень понимала зачем, как, почему и что происходит. Пальцы цепляли только сырую траву да мокрую землю, звон в ушах не желал прекращаться, а отчаяние подступало к глазам, превращалось в слёзы.

– Вот оно, – раздался незнакомый голос.

Вражка резко обернулась.

Она всё представляла по-другому: его голос, их встречу. Да и вообще...

Гран был весь в грязи, копоти. Волосы взлохмачены, на скуле – ссадина, а на ладони – ожог. Выглядел он так, словно его только что разбудили посреди войны.

Девочка вздрогнула. А ведь и правда! Она и разбудила! И король взорвал Дерево...

Её друг закрыл глаза, улыбнулся куда-то в небо. Ветер легко колыхал его рваную одежду. Внезапно он рассмеялся. Легко, звонко и немного зло. Вражка припала к земле.

– Возьми его, – Гран протянул ей зеркало. – Оно мне больше не нужно.

Поднявшись, девочка осторожно взяла заветную вещицу. Целое, не разбилось! Хотела было невзначай дотронуться до его руки, но он поддался назад.

Затем присел, погладил траву, взял горсть земли.

– Я скушал, – сказал он, но явно не Вражке.

Потянулся, сделал шаг, покачнулся. Тело явно слушалось плохо, но он справлялся. Сделал шаг, ещё один, оставляя лёгкие следы на зыбкой поверхности земли.

Тут до Вражки дошло – он же уходит!

– Пстой!

Он остановился. Горечь переполнила Вражку и вырвалась криком:

– Пстой, ты куда?

– Домой, – он потёр висок. – На остров Цветов.

– А я?..

– А что ты?

– Ты не заберёшь меня с собой?

Он смотрел на неё с таким искренним недоумением и усталостью, что у Вражки пропала всякая надежда.

– Нет. Зачем?

– Но я тебе помогла.

– Ну да.

– Ты же мой друг!

– ...разве?

Этого издевательства Вражка не могла вытерпеть. Почти всё лето они провели вместе, чтобы получилось... получилось... просто взрыв и Древа, и надежд – ничего. Она снова перешла на крик:

– Да! Мы друзья! А друзья так не поступают! Ты должен обнять меня! Ты должен взять меня с собой!! Должен быть всё время рядом!!!

Гран сделал несколько шагов ей навстречу. Дым почти выветрился, лёгкие сумерки легли на землю и несколько болотных огоньков засияли вдалеке.

Он подошёл, чуть наклонился. Так, чтобы их глаза – серые и синие – были на одном уровне. Худые плечи Вражки тряслись от слёз, голова раскалывалась. Она топила в себе надежду и одновременно вытаскивала её из пучины.

– Я тебе, девочка, – сказал Гран, – ничего не должен.

Утонула.

Вражка начала плакать. Закрывала глаза ладошками, пыталась успокоиться, не безуспешно. Она не могла поверить в то, что её сказка закончилась так.

Её бывший и худший в жизни друг вздохнул, выпрямился, огляделся.

– Зато у тебя правда хорошо получалось колдовать.

Он взял у Вражки зеркальце, легко коснувшись её руки, направил его куда-то в топи, затем отдал обратно. Девочка посмотрела в отражение, где трепетал огонёк.

– Он выведет тебя к твоему лагерю.

И всё. Изгнанный Король развернулся и ушел в сгущающуюся темноту болот.

– Стой! Не уходи! Пожалуйста, не уходи! Мы ещё увидимся?! – крикнула Вражка, прижимая подарок к груди.

– Понятия не имею, – ответил он и исчез насовсем.

Михалина

Тусклый свет лампы, мигая, озарял крадущиеся по коридору тени. Тени сторбленные, недобрые шли тихо-тихо, укрывались за углами, скользили вдоль стен.

Цапли на крыше поместья тревожно вскрикнули. Через секунду закричал мужчина, но тут же замолк.

Тени ускорили шаг. Маленький свёрток на руках одной из них жалобно захныкал. Тень шикнула и прижала его к груди.

Послышались первые выстрелы. Тени замерли. Та, что несла свёрток, повернулась к спутнику и прошептала:

– Сверни в спальни. Может, ещё успеем. Встретимся у перекрестка.

Вторая фигура кивнула и прошмыгнула в коридор, ведущий в лабиринт комнат и тупиков. Капюшон страшно мешался, поэтому оставшийся человек скинул его с головы. Всё равно если его обнаружат – убьют, никакой форы маскировка ему не даст.

В жёлтом свете можно было разглядеть его осунувшееся лицо, чёрные волосы, уставшие глаза. На вид ему было декады две, хотя небритость и измождение прибавляли возраста.

Младенец на его руках разразился недовольным плачем. Мужчина нахмурился, пихнул ребёнка соску в зубы и побежал дальше.

Снова начали стрелять. Новомодные револьверы сильно упростили задачу восставшим: оружие никто толком не успел закупить, а научились им пользоваться единицы. В основном, бунтовщики.

Бунтовщики, которые сейчас расстреливали всё, что попадалось им под руку.

Мужчина буквально чувствовал привкус крови на языке, хотя до него ещё не добрались, но как только обнаружат...

Он откинул эти мысли из головы. Нужная комната совсем рядом и не время бояться.

Позади, со стороны главной залы, послышались крики. Лязгнул металл, кто-то упал, один из дружинников взвыл. Радостный крик революционеров подгонял мужчину лучше, чем плети.

Он влетел в нужную дверь, запер её на засов. Огляделся: комнатка небольшая, мягко сияет ночник в форме мотылька, колыбелька стоит у окна, кровать нянечки пуста, аккуратно заправленная, вещи отсутствуют: видимо, ей хорошо заплатили, чтобы она сбежала сразу. Мужчина благословил прихоть княгини растить ребёнка отдельно от себя, иначе план бы не сработал.

Он подошёл к колыбели, баюкая младенца на руках. Внутри, между витиеватых узорчатых стен, на мягкой перине из овечьей шерсти, лежала ещё одна девочка. Совсем крошечная, ещё не пережившая ни одной зимы. Она мирно спала, черные волоски разметались по подушке, маленький нос недовольно морщился.

Младенец на руках мужчины был как две капли воды похож на ребёнка в колыбели. Те же зелёные глаза, те же тёмные волосы, тот же возраст. Никаких отличительных признаков – родинок, шрамов. Да и не знал про них никто.

Аккуратно, стараясь не разбудить ребёнка, мужчина поменял девочек местами. Подмывши в колыбели заплакал.

Голоса в коридоре стали громче. Мужчина метнулся к окну, но оно было заперто. Он выругался, открыл дверцу шкафа и, спрятавшись внутри, затих, качая на руках ребёнка и молясь всему, во что верил.

Он слышал плач девочки и беззвучно говорил:

– Прости меня, дочь мельника, прости, что мы довели до такого, прости, что даже умираешь ты не собой. Прости свою непутёвую мамашу, продавшую тебя за две монеты, прости своего отца, который пьёт слишком много. Прости Михалину за то, что вы так похожи. И меня прости: если мы встретимся когда-нибудь, и твой Свет будет меня помнить, и ты узнаешь всё – прости.

Он услышал, как в комнату входят люди. Они тяжело дышали и неразборчиво переговаривались. Младенец в колыбели заплакал.

Люди начали спорить. Один из них гневно закричал и убежал прочь.

Мужчина в шкафу мог чувствовать дыхание второго человека, сталь ножа, занесенного над колыбелью.

Подменыш кричал так, что мог перебудить весь город.

Несколько бесконечных секунд тянулся его крик. Потом еле слышный свист – наступила тишина.

Шаги удалились, скрипнула дверь.

Мужчина уговорил себя вылезти наружу. Ему надо было уходить.

Он не решался посмотреть на колыбель, но краем глаза всё же увидел кровь на простыне и медленно плывущий огонёк над одеялком. Его замутило.

– Прости, – прошептал он, отвернувшись.

Девочка на руках зевнула. Она ничего не знала ни о своих родителях, скорее всего, уже мёртвых, ни о революции, но о первом, очень маленьком человечке, погибшем ради неё.

– Всё будет хорошо, Михалина, – тихо-тихо сказал ей мужчина. – Нам осталось только из города выбраться... как-нибудь...

Он посмотрел на огненные всполохи за окном. Прислушался к звукам битвы и смерти. А потом вышел в коридор.

Гран

Воздух дрожал от напряжения, руки дрожали от предвкушения погони. Пахло озоном и кровью; тёмные облака наливались багрово-сизым цветом; призрачные скакуны в нетерпении били копытами, высекая серебряные искры; собаки опрокидывали головы назад и издавали вой настолько тоскливый и жуткий, что всякий, кто его слышал и имел хоть каплю мозгов, понимал: надо запереть двери и скорее сжать в руке железо. Охотники Жатвы стояли на краю скалы, море бушевало вдалеке, неистовое, безудержное, оно тоже чувствовало – знало – что грядёт новый виток жизни.

И скакуны, и псы не принадлежали ни одному из миров, и как только закончится ночь – они исчезнут, растворятся в лучах рассвета. Но это будет потом.

Все молчали. Тишину нарушал лишь оглушительный вой ветра.

Гран, слегка прищурившись, смотрел вдаль, туда, где небо и море сливались в единое, и где только в эту, особенную ночь, виднелись огни Калахута.

Король оглянулся на свою свиту: красивые серьезные лица, предвкушающее самое главное своё развлечение – Жатву Декады.

Сколько Света они заберут, сколько жизней унесут, сколько пленных уведут?

Неважно, счёт таким вещам всё равно ведут только люди. Шепчут у камина: “баши унесли жизни тысячи человек” и мусолят эту тему до бесконечности, будто это так интересно, будто это так захватывающе!

Гран похлопал по шее своего скакуна цвета дождя. Призрак нетерпеливо фыркнул.

Голова короля слегка закружилась, он почувствовал давление крови в переносице и то, как давит корона, сплетённая из ветвей. Волшебная ночь настойчиво давила на плечи, подтапливала в спину и шептала “ну чего же ты медлишь?”.

А если сам мир подгоняет, значит, ждать нельзя.

Гран взмахнул поводьями, и зверь, встав на дыбы, ринулся прямо навстречу пустоте.

Приди он в другой день – он бы камнем упал вниз, но этой ночью, ночью слияния миров, он побежал по воздуху, как по земле, набирая скорость, и свита послушно тянулась за ним.

Ветер ударил по щекам короля, азарт и восхищение (сколько лет, а привыкнуть к Жатве невозможно) сдавили горло и грудь. Он улыбнулся огням, вытащил меч...

Эту бурю люди запомнят надолго.

Анна и Анжей

Она совсем потеряла счет времени пока стояла в лавке ростовщика и разглядывала заморские побрякушки. Особенно приглянулась маленькая музыкальная шкатулка, мурлычащая медленный вальс, с изображением оленя на крышке. Она долго любовалась на шестерёнки, подумала, не стащить ли, потом решила, что нет. И так ночь беспокойная была, да и продавец заметно нервничал и поглядывал на неё искоса... Чёрная Овечка демонстративно поставила шкатулку обратно на стол.

Пахло гуталином и маслом. От камина шло затухающее тепло.

– Иди-ка ты домой, девочка, – не выдержал продавец.

– Я иду, – отозвалась она, не двинувшись с места.

– Я серьезно. А то потом тебя не досчитаются.

Тон его был беспокойным, а глаза влажно блестели в свете лампы. Овечка вздохнула.

Предыдущую Жатву Декады она не застала по простой и веской причине: она тогда ещё не родилась. Так что Овечка лишь слушала бесконечные страшилки и не разделяла благоговейного страха перед этим бедствием.

Честно говоря (а Овечка была очень честной, хоть и подворовывала иногда), мешкала она специально. Конечно, она не рассчитывала погибнуть во время этой напасти и поэтому всё же планировала укрыться в доме, но факт её опоздания дарил надежду хоть одним глазком увидеть Жатву. Она всегда представляла себе разноцветные вихри, вой псов, крики войнов – грациозных скакунов в небе, совсем не похожих на привычных оленей, и ужасных чудовищ – башей, воющих в такт буре.

Она не очень боялась чудовищ. У неё был железный нож – оберег, защита и просто полезная вещь.

– Овечка, – сказал ей как-то Януш, – даже если тебя не утащит к себе королевская свита, то тебя просто-напросто может придавить деревом. Опомнись, малышка – Жатва – это же не просто развлечение Острова Цветов, это ещё и страшная буря.

Поскольку стихия пугала Овечку больше, чем башни (ураган ножом не пырнёшь), то она всё же начала собираться.

Пригладила чёрные кудрявые волосы, пониже натянула шапку и, взмахнув на прощание рукой, вышла за дверь. Колокольчик звякнул, провожая её в путь.

Она оказалась на пустых улицах. Небо уже потемнело, оставив узкую апельсиновую полосу на горизонте. Лишь фонарщик карабкался по лестнице, зажигая последнюю лампу.

– Шла бы ты домой, девочка! – крикнул он с высоты.

– Да иду я, иду!

– Точно? Потому что в той стороне домов-то нет.

– Меня дядя встретит, я на ферме живу!

Фонарщик нахмурился, чуя её вранье (она бы хотела признаться, что никто её не встретит, но это могло помешать, так что честности пришлось посторониться), и Овечка быстро пошла в сторону леса, избегая дальнейших расспросов.

Ветер немилосердно кусал за щеки, снега было ещё немного, и он оживлял мрачный пейзаж, но вместе с тем ещё и бил по глазам. Ветки над головой скрипели и выли, цепляясь своими тонкими скрюченными пальцами друг за друга, а стволы деревьев скрипели так, словно вот-вот готовы были сломаться.

Хоть снег и делал всё светлей, Овечка пожалела об отсутствии фонаря. В каждой новой песне бури слышался вой волков. А может, это те самые псы Жатвы?

Посёлок уже скрылся за деревьями, лишь тусклые отблески окон сочувственно смотрели вслед девочке и будто отговаривали её идти одной в лес.

Овечка хмуро посмотрела на них. Мысль: “а не переждать ли в магазине?” мелькнула у неё в голове, но тут же вылетела. Дома её ждали дядя, тётя и любимый братец Анжей, нельзя было их подводить.

Она ускорила шаг, то и дело задирая голову к белёсому небу, ожидая увидеть что-нибудь необыкновенное.

Анжей сидел у окна, шурился в непроглядную тьму. Иногда опускал глаза в книгу и не видел ничего: строчки расплывались, буквы прыгали. Мальчик моргнул и снова уставился за стекло.

Грыз щеку изнутри: имела у него такая привычка, вредная до жутки, и в момент переживаний необходимая.

– Что-то Анны долго нет, – озвучила матушка его мысли. – Разве она не обещала быть до заката? А ещё такая ночь....

Анжей хмуро глянул на неё. Матушка была очень славной, но простодушной, а потому не очень тактичной. Она поставила чайник на огонь, заглянула в духовку. Рыжие волосы того же оттенка, что у сына, были туго собраны в пучок, фартук обхватил пышную грудь, а лицо выра-

жало беспокойство и безмятежность одновременно, будто каким-то невообразимым путём матушка уже попала в будущее, где Анна спокойно сидела у камина.

На кухню вошёл отец. Постарался стащить кусок колбасы, за что шутиливо получил полотенцем по рукам.

– Ну что ты милая, что! – рассмеялся он. – А где Овечка?

Анжей отвернулся. Под рёбрами неприятно тянуло.

Он представлял себе всякие ужасы, хотя прекрасно знал свою сестру: ужасы скорее всего сотворит она, но... А если Жатва? Бандиты? Или упавшее дерево? Или она заблудилась? Или ещё что-то...

Часы звонко пробили, разделяя время ожидания и время действия.

– Батенька, я пойду её встречу! – Анжей вскочил.

Отец чуть не поперхнулся кофе. Поправил очки и внимательно глянул на бледное, покрытое веснушками лицо сына:

– Ты что, дурной? Ты в такое-то время куда собрался?

– Я до калитки дойду, фонарём ей посвечу.

– Ну да, ну да. Дома сиди. Овечка – девочка боевая, она и от самой Жатвы отобьется, а ты у нас... в общем, сиди дома.

– Но пааааап, – завёл шарманку Анжей, но получил лишь хмурый взгляд в ответ.

– Нет! – отец резко поставил чашку кофе на стол, и горький напиток выплеснулся из краёв.

Несколько секунд на кухне царил молчание. Матушка что-то помешивала в кастрюле, стараясь абстрагироваться от ссоры. Она делала так всегда, когда не знала, какую сторону принять.

Поджав губы и стиснув кулаки, Анжей смотрел в упор на отца, но потом отвёл взгляд и побрёл в комнату. Он не мог до конца поверить, какие же взрослые могут быть чёрствыми. Как так можно – не разрешать найти человека?! Да ладно бы, если бы просто “человека” – родную... то есть двоюродную сестру!

Тут Анжей всегда путался. Формально, Анна была племянницей отца, но росли они бок о бок. Сестра отца – тётя Анжея – возвращалась с дочерью на ферму каждую зиму, а потом, как только в воздухе начинало пахнуть весной, срывалась с места и возвращалась в свой табор, где уезжала в далёкие дали, о которых Анжей мог только мечтать.

Но в этом году произошла какая-то странная рокировка, связанная с желанием тётушки подольше побыть со своим новым ухажером и с абсолютным нежеланием Анны иметь с ним хоть какое-то общее дело, так что сестрёнка должна была прибыть раньше, самостоятельно.

Вот только её всё не было.

Анжей запер дверь в комнату: небольшое помещение с двухъярусной кроватью (Овечка спала наверху), грубым деревянным столом, горой книжек, сундуком, в котором хранились пожитки и покосившимся шкафом. На дверце шкафа Анжей нарисовал закат и корабли. По его мнению, получилось очень красиво, хотя этот факт, конечно, был легко опровергаем.

Анжей подошел к окну, отодвинул шторы из мешковины и снова поглядел на лесную тропу. Нет, ни намёка на заблудшую гостью.

Помявшись для верности ещё пять минут и прислушиваясь к монотонной болтовне взрослых, Анжей принял решение.

Открыв несуразный чемодан, он выудил старую прохудившуюся куртку, осенние сапоги, тёплые носки, свитер. Завернулся во всю одежду, и, превратившись в некое подобие капусты, остался доволен, решив, что не замёрзнет. Затем взял старый фонарь, спички, и, убедившись, что дверь надёжно заперта, а свет горит, выскользнул в окно.

Ставни он закрыл плотно. Обошел дом, прижимаясь к стене, юркнул за дышащий теплом и пахнущий навозом амбар, перелез через забор и скрылся в зарослях орешника. Подни-

мая маленькие снежные фонтанчики, он прошёл вдоль деревьев и вышел на дорогу, где, наконец-то, смог зажечь фонарь. Чернильный лес навис над мальчиком, угрожающе завывая. То тут, то там слышались скрипы будто из потустороннего мира. Пахло сырой землей и холодом.

Анжею было страшно: легенд о Жатве он наслушался столько, что мог книгу написать, и каждый раз встреча с ней не заканчивалась ничем хорошим.

Но за сестрёнку он боялся немного больше, поэтому вздохнул, поднял повыше фонарь и пошёл по тропе.

Овечка всё смотрела на небо. Буря усиливалась, ветер теперь свистел как бешеный, некоторые деревья и вовсе склонялись к земле. Где-то вдалеке затрещал ствол, гибнущий под натиском погоды. Девочка закрывала лицо руками, жалея, что у неё нет варежек (надо было хоть их утащить!). Совсем потеряла счёт времени, но надеялась, что ферма будет скоро, и она сядет, выпьет горячего чаю с мятой и смородиной и будет рассказывать Анжею о своей дороге.

Ветер задул особенно остервенело и пришлось остановиться, дабы переждать. Несколько долгих секунд она стояла в абсолютной темноте и дикие вихри проносились мимо. Ей показалось, что рядом кто-то залаял.

Огляделась – никого. Пожав плечами, пошла дальше.

Снова подняла голову. И разноцветных вихрей нет! Никаких нет, ну что за Жатва такая, простой буран, ничего интересного.

Треск дерева раздался так близко, что девочка вздрогнула от неожиданности и ускорила шаг на всякий случай. Тропа сделала небольшой поворот, и сразу за ним Овечка наткнулась на валежник, вырванный из земли с могучим корнем.

Под ним, на земле, укрываясь от назойливого снега и ветра, сидел человек. Сначала показалось, что это пень – уж очень было темно, но, приглядевшись, девочка поняла, что это либо пень с глазами, либо она ошибается.

Замерла. Затем осторожно, по-звериному, подошла ближе, всматриваясь в фигуру.

Фигура не шевелилась.

Сделав ещё один шаг, Овечка, наконец-то, смогла разглядеть сидящего.

Это был юноша, и для ужасной бури он был одет непростительно легко: тканевые сапоги, коричневые штаны, просторная рубашка цвета травы, немного старомодная, но ему шла. Поверх всего он накинул плащ, из-под капюшона которого выбивались светлые, почти белые волосы.

Он сидел и курил трубку, не обращая внимания на непогоду кругом. Глаза его были закрыты, а на лице играла лёгкая улыбка, словно мечты поглотили его настолько, что реальный мир стал неважен и не страшен.

Овечка прикинула, что сможет быстро и бесшумно проскользнуть мимо, если этот чужак не решит вдруг проснуться. Но стоило ей сделать шаг, как незнакомец тут же посмотрел прямо на неё.

– Доброй ночи! – сказал он и выпустил облачко дыма.

Девочка поглядела на него исподлобья.

– Горит Маяк... – пробормотала она.

Вообще она любила ещё незнакомых людей и легко могла подружиться почти с любым, но в данных обстоятельствах знакомству не радовалась. Но, помня заветы мамы, старалась быть вежливой.

Ветер задул так резко, что чуть не сбил её с ног.

– Иди сюда! – незнакомец оказал на бревно рядом. – Тут не дует.

Немного подумав и оценив силу непогоды, Овечка согласилась на предложение. Осторожно, сжимая нож в кармане, приблизилась к юноше. Он улыбался приветливо, и Анна уже готова была поверить в его дружелюбной настрой, но...

Один раз, в своих путешествиях с табором, она была в музее, где хранились всякие занятные экспонаты, в том числе и чучела животных. Там были и гигантские медведи, и трёхметровые змеи, и мантикора (как оказалось потом, поддельная), но сейчас Овечка вспомнила только арктическую лису с её белым мехом, очаровательной мордочкой и хитрющими злыми глазами.

Вот и глаза этого парня были, что у той лисы. Такие же холодные, под стать снегу.

Поэтому она не села, а осталась стоять рядом, пряча ладони в рукавах.

Незнакомец глянул на неё искоса и снова закурил. Овечка почувствовала себя неловко. Она хотела как можно быстрее дойти до фермы, но стоять под навесом из земли и корней было приятнее и теплее, чем брести сквозь метель.

Дала себе срок: если через десять минут снег не утихнет, она пойдет дальше

– Он не утихнет, – раздался голос юноши.

Анна вздрогнула.

– Что?

Пот струйкой пробежал по хребту. Он что, мысли прочитал?.. Собственно, что гадать, именно так Анна и спросила.

– Нет, – рассмеялся незнакомец, и смех его оказался на удивление чистым и успокаивающим. – Просто твои мысли были очевидны.

– А...

Овечка шмыгнула носом. Ну, да. Скорее всего.

Она всё же оставила себе условие, а пока решила не терять времени даром и завела как говорила мама “культурную беседу”. Села на бревно, но ладонь с ножа, который покоился в рукаве, не убрала.

Критично осмотрела собеседника с ног до головы.

– А вам это... не холодно?

– Нет. У меня тёплый плащ.

Верилось с трудом, конечно.

– А как вас зовут?

– Гран.

– О, какое чудное имя! – такта в девочке было немного. – А меня зовут Чёрная Овечка.

– Да ну, – картинно удивился он, а затем ухмыльнулся. – И это у меня-то чудное. Ты что, оборотень?

– Нет, я необыкновенная, – парировала она своим стандартным аргументом.

– А, ну это понятное дело.

Они помолчали, пялясь на метель. Гран курил трубку, Овечка глазела на небо, раздумывая над вопросами. Потом снова открыла рот.

– А что вы тут делаете?

– Сижу.

– Ой, нет. Не просто же так сидите в лесу, в метель, во время Жатвы.

Он вздохнул, но как-то ненатурально. Словно посмеивался над ней.

– Ну да, ты права. По правде говоря, я заблудился. Уже несколько часов блуждаю по лесу и решил сделать привал.

– М....

– Никого не встретило пути – все по домам попрятались. Я решил под валежником переждать. А ты тоже заблудилась?

– Нет... Я иду домой.

– О.

Тревога Анны сменилась жалостью. Конечно, он чудной, но нельзя же бросать человека во время напасти одного в лесу! “Всегда надо всем помогать” – это, можно сказать, было её

кредо. Правда, она не очень хорошо понимала значение слова “кредо”, но уж больно оно её нравилось.

Резко встав, Овечка протянула Грану узкую ладошку.

– Пойдём! Я отведу тебя к дяде и тёте, там ты согреешься, поешь, переждёшь бурю, а утром мы поищем твою дорогу.

Юноша подал ей руку. Ладонь его оказалась тёплой и мягкой, держать её было приятно. Как котёнка гладить.

Гран встал. Он оказался не таким высоким, как думала Анна по началу. По крайней мере всего лишь на полголовы выше Анжея.

Развернувшись, она повела его по тропе в сторону дома.

Анжей оделся не так тепло, как он рассчитывал. Холодный ветер пробирался под слой свитеров и щипал за кожу, снег довольно быстро забился под носки. То тут, то там раздавались какие-то невообразимо дикие звуки, а Анжей, подняв фонарь, всё больше и больше боялся за сестру. Каждое полено, каждая кочка казались ему замерзшей Овечкой, и приходилось подходить совсем близко, освещая объект фонарём, чтоб успокоиться.

Он кричал:

– Анна!

Но метель жадно съедала всякий звук кроме собственного воя.

– АННА! – горло мальчика начинало болеть.

От беспомощности к глазам подступили слёзы, а в голову начали ползти всякие мысли, тёмные и нехорошие, как рассказы пьяного кузнеца.

– АННА!!!

Он начал бояться, что упустил её. Что каким-то образом они разминутся, и она сейчас дома, а он, как дурак, бродит по лесу. Но отступить он не мог и упорно шёл с фонарём вперед.

Дикий вой раздался в небе.

Оно стремительно темнело.

Анна задрала голову. Обернулась на спутника.

Гран не отреагировал на звук, но, когда она обернулась, чуть ли не промурлыкал:

– Что такое?

– Ты разве не слышал?.. Этот вой?

– Слышал. Но мы же недалеко от фермы. Должно быть, это псы.

– А если это псы Жатвы?

Он равнодушно пожал плечами.

– Ты не боишься? – Овечка продолжила идти вперёд.

– Нет. А ты?

– И я нет! – гордо сказала девочка. – Глупости всё это. Просто... как там Божислав говорил... “погодные катаклизмы”, вот. Ну, и бешеные собаки. Наверное. Не знаю. Знаешь, вообще я очень хотела увидеть Жатву Декады, конечно. Надеюсь, что это будет приключение.

– Какое же приключение?

– Ну, например, сразиться с башами.

Анна глянула на Грана, увидела на лице его искренний интерес и продолжила:

– Ну, знаешь. Можно победить баша и получить золотую пыльцу. Она волшебная. Исполняет желание.

– А... Как ты хочешь их победить?

– Оружием. Они же боятся железа, это все знают. И у меня с собой есть, я же не рохля какая-нибудь.

Лес снова затрещал. Становилось всё темнее и темнее.

– А не жалко тебе башей-то?

– А что жалеть, – отмахнулась Анна. – Они уродливые и злые.

– Не знал.

Дорогу преграждала поваленная сосна через которую пришлось перебираться, раздвигая колючие ветви. Руки нового знакомого Овечка не отпустила, мало ли, потеряется, раз уж он умудрился на прямой дороге заплутать.

– А вот! – продолжила она. – Многие думают, что они красавцы все, но мне Божислав рассказал, что это – враки, чтоб мозги пудрить. На самом деле у них серая морщинистая кожа, огромные клыки и острые уши! Если увидишь такую тварь сегодня, или в другую Жатву – беги или тыкай в неё железом.

– Хорошо, я учту.

Овечка вгляделась в даль. Дома всё ещё не было видно, но ей показалось, что впереди сиял какой-то огонёк.

Она развернулась к спутнику, чтоб сообщить о наблюдении, но не сказала ни слова. Что-то было не так, но поняла она это только сейчас. Ветер скинул капюшон с головы Грана, но лицо его было жёстким и злым, и смотрел он на Овечку взглядом голодного волка, а не беспечного бродяги.

Тревога жесткой дланью сжала желудок девочки. Она почувствовала себя как те глупые дети в сказках, которые ведутся на морок, а потом жалеют. Только тут ведь даже иллюзии не было.

Ох, какая же она дура...

Еле-еле она умудрилась улыбнуться. Голос дрогнул, но всё же произнес:

– Пойдём, тут совсем немного осталось...

Гран кивнул.

Шея Анны покрылась испариной, не смотря на холод. Ей было очень жарко и мысли, как та же снежинки, беспорядочно кружились в её голове. Конечно, она могла ошибаться, и он просто загрустил о своём или разозлился на погоду, или ещё что-то, мало ли что у людей в голове происходит.

А может, он баш? Может, они всё-таки не чудовища, а вот такие: злые и красивые, и она, бедная дуручка, угодила в лапы Жатвы? Надо что-то делать, если так.

Овечка. Быстрая. Очень быстрая. Если отвлечёт его, то успеет скрыться в лесу: надо только найти подходящий момент.

А может, она всё же ошибается, и то, что она оставит человека одного в лесу будет страшным злодеянием? Но она может попробовать побежать! Кинется в погоню – значит, злодей, а останется на месте – всё в порядке.

Она ждала момента, и каждый новый шаг давался ей всё труднее. Стволы деревьев на белом фоне начали сливаться в какой-то единый узор.

Глубокий вздох. Пора.

Резко обернулась, посмотрела за плечо нового знакомого, и, придав своему лицу выражение ужаса (хотя и стараться не очень-то было надо, она боялась и так), крикнула:

– Что это?! Там, за елкой! Ох, это всадник!

Сработало! Гран обернулся, а Овечка с силой дернулась вперёд, освобождая ладонь и помчалась по дороге.

Внутри нее теплилось много надежд: что она ошибается, что она окажется достаточно быстрой, или что Гран не захочет ей навредить.

Но эти надежды рухнули вмиг, когда её схватили за капюшон и повалили на снег.

Анжей услышал крик. Далёкий, тонкий, но этот крик он узнал бы из тысячи. Неизвестно откуда появились силы – он бросился вперед, щурясь от метели, выхватывая куски леса из тьмы светом фонаря.

– АННА!

Снова крик Овечки.

Анжей бежал вперёд, в страхе выкрикивая её имя.

Она ничего не видела: снег залепил ей глаза, а ворот куртки душил. Сквозь собственный крик и возню, она расслышала, что Гран говорит: “постой”, но останавливаться не собиралась. Надо было действовать.

Правой рукой она выхватила из рукава левого железный кинжал и наугад ударила.

Этот кинжал ей подарил один друг – матрос по имени Петр, со словами “он будет оберегать тебя в трудную минуту”. Так и вышло.

В темноте ночи раздался короткий крик боли и нападающий на секунду разжал хватку, и это позволило девочке проползти всего лишь пару метров, как её снова перехватили.

– Это было глупо, – прошипел Гран.

Анна снова закричала.

А в ответ услышала своё имя.

Анжей увидел две фигуры на дороге. Он понял всё сразу, хотя обычно и не мог похвастаться таким талантом. Закричав: “Анна!”, бросился вперёд и тут же поскользнулся. Ногу повело назад, тело завалилось вперёд, сгруппироваться не успел и ударился коленями и подбородком о лёд. От резкого толчка выбило весь воздух из груди, а фонарь улетел дальше по дороге, на прощание мигнув.

Гран остановил полёт фонаря подошвой ботинка. Стекло хрустнуло.

Свободной рукой Гран убрал волосы со лба. Вторая была вся в крови: из дыры в рубаше на предплечье виднелась глубокая рана, которую баш разглядывал с холодным любопытством.

– Вот так дела... – пробормотал он.

Анжей кое-как встал, не обращая внимание на ушибы. Овечка барахталась на снегу, но Гран наступил ногой ей на капюшон, что приводило девочку в крайнее смятение, ближе к панике.

– Отпусти её! – закричал Анжей. – А ну немедленно отпусти!!!

Вместо ответа Гран наклонился, дёрнул Овечку за волосы. Она вскрикнула, повалилась назад, а баш перехватил у неё кинжал.

– Ладно, отпустил, – он разжал ладонь.

С ухмылкой осмотрел Анжея.

Злость и уверенность быстро улетучились из мальчика – сейчас он стоял в темноте безоружный, замёрзший, не понимал ничего. Он просто хотел забрать Анну и пойти домой.

Он уже начал было говорить с обидчиком, как тут Анна вскочила и завопила:

– Это нечестно! Это же железо! Ты должен был рассыпаться!

– Никому я ничего не должен, – презрительно ухмыльнулся Гран. – Я, может, тоже особенный.

Овечка зарычала и набросилась на Грана в попытке отнять кинжал. Он поставил девочке подножку, из-за чего та снова повалилась вниз.

– Сволочь! – кричала она. – Негодяй! Недоумок! Мерзавец!

Носитель всех этих характеристик лишь посмеялся, слегка наклонившись.

– И чем я только заслужил такие комплименты!

Он наступил на грудь Анны коленом, заслужив новые ругательства. Анжей, наконец-то, пришёл в себя и бросился к ним. Ухватив Грана за плечо, крикнул:

– Пожалуйста, перестань!!!

Баш развернулся:

– Зачем?

Такого вопроса Анжей не ожидал, но всё же нашёлся:

– Потому что ей больно!

– Ну и что?

Анжей стоял. Он не хотел вступать в драку, потому что явно бы проиграл, но и его универсальный способ, который никогда не работал с другими мальчишками – переговоры – тут тоже работал плохо. Ажей молча глядел на лицо своего оппонента – скучающее, равнодушное – и не знал, как до него достучаться, вразумить.

Пока он не знал, Анна знала. Как дикий зверёк она извернулась и с силой укусила Грана за руку.

Баш с коротким вскриком отшатнулся, Овечка вскочила и, крикнув что-то, бросилась прочь, а Анжей, не успев толком подумать, навалился на преследователя, чтобы хоть как-то задержать.

Ослепляющая боль лишила его сознания.

Овечка пробежала ещё несколько метров прежде, чем поняла, что никого нет рядом. То есть вообще никого, а по идее-то там должен быть её брат. Сделав по инерции ещё несколько прыжков, остановилась, оглядываясь. В горле неприятно сипело, дышать было трудно, всё тело было мокрым от пота и снега, но Овечка не обращала на это никакого внимания. Она озиралась, надеясь, что вот-вот Анжей выскочит из-за дерева и они вместе добегут до дома. Но секунды тянулись как часы, а его всё не было.

Тогда она развернулась и, крадучись, пошла назад, выискивая брата. Раз шаг, два шаг... Снег предательски громко скрипел, выдавая её.

И вот то место, откуда она побежала.

На снегу лежал Анжей. Гран сидел рядом, зачесывая окровавленной рукой волосы.

Сперва Анна рассердилась: разлётся тут! Дал бы этому парню по морде и побежал. А потом поняла: что-то не так.

Совсем. Всё. Не. Так.

Анжей лежал неподвижно, из груди его торчала рукоять железного кинжала.

Не помня себя, Анна бросилась к нему, упала на колени. Слёзы сами подступили к глазам, бессмысленный крик: “Нет-не-нет!” сам рвался из горла. Анжей был белым под стать снегу. Его рыжие волосы утопали в луже крови. Если он и дышал, то это были последние секунды. Его Свет догорал – это было ясно.

Овечка кричала, не помня себя, но ничего не могла сделать.

Она не могла, а...

– Сделай что-нибудь!!! – закричала она на Грана. – Умоляю, сделай что-нибудь.

Баш закатил глаза.

– Да ну, зачем мне это.

Анна чуть не задохнулась от негодования и слёз. Но мысль, что он мог – мог спасти Анжея – не давала сдаться.

– Пожалуйста! Пожалуйста! Он же так умрёт! Ты убил его, и он умирает!

– Ну, он напал на меня, и он умирает. Всё закономерно.

Голос сорвался. Если бы Гран тоже кричал – было бы легче, но он произносил каждое слово так медленно и с таким деланным равнодушием, что это просто выводило из себя.

– ЭТО ТЫ НАПАЛ НА МЕНЯ ПЕРВЫЙ! ТЫ!

Он хохотнул.

– Это же Жатва, чего ты хотела.

Тут Овечка замолчала. Опустила глаза. Её любимый брат, бедный брат, бледный брат. Они должны были провести зиму вместе, всё должно было быть хорошо, если бы только не её глупое желание посмотреть на Жатву.

Посмотрела.

– Пожалуйста! – выдавила она сквозь слёзы. – Спаси его, и можешь брать, что хочешь! Можешь меня съесть!

Гран поморщился:

– Да больно ты мне нужна такая...

Девочка бессильно опустила в снег, закрыла горячие мокрое лицо руками.

– Я не знаю, что ещё предложить, я не знаю, я не знаю...

Гран смотрел на неё, приподняв бровь. Ему было любопытно наблюдать за всей этой историей до этого момента и вот – стало тоскливо. Очень скучно, будто это была и не Жатва вовсе, а что-то другое, но он никак не мог описать, что. Будто дали поиграть с игрушкой и отобрали.

Он оглядел свои руки. Кроваво-красные по локоть, из раны всё ещё льётся кровь, и это делает его слабее и слабее с каждой потерянной каплей.

Снова посмотрел на маленьких людей

Ну, что же. Пусть будет не жертвой, а трофеем.

Под причитания девочки и звук её слёз, под вой метели и диких псов, он сел на колени, выдернул кинжал из груди мальчика, швырнул в снег, а затем наклонился и поцеловал несчастного. Затем встал. Пора было уходить.

Рыжий судорожно вдохнул, распахнул глаза, прохрипел: “Анна!”

Девочка снова закричала, бросилась к нему с объятиями, но Грану уже было не до этого. Он чувствовал слабость.

Прикрыв глаза, увидел небо через облака, всю бурю Жатвы, весь её хаос и безумие. Он позвал, и на зов откликнулись. Всполох ветра, и вот на дороге уже стоит зверь из тумана и тучи, серый, с тёмной гривой, нетерпеливо бьёт копытом по земле.

Гран ласково похлопал его по шее, затем наклонился и схватил рыжего мальчишку за руку. Тот попытался сопротивляться, но не сильно. Сложно давать отпор, когда только что был мёртв.

– Полезай! – сказал ему Гран и парень послушался.

Девочка вскочила и снова начала пронзительно кричать, хватать за руки, за плащ. Гран толкнул её, и помеха кубарем полетела в сугроб. Пока пыталась выбраться, он сел на скакуна, придержал мальчика, чтоб тот не упал, повернулся к девочке и сказал, улыбаясь, на прощание:

– Ну что же ты, милая. Сама же сказала, что что угодно отдашь за его жизнь. Вот я и забираю. Сама же сказала, что хочешь увидеть Жатву. Вот ты и видишь. А впредь берегись своих слов и желаний.

Он ударил поводьями и зверь, захрипев, поднялся на дыбы. Девочка бросилась за ними, но не успела: тяжелые копыта ударили по метели, и скакун поднялся в небо, радуясь небу и ветру.

Анжей обернулся, постарался потянуться к сестре, прокричать ей что-нибудь, но его грубо одёрнули и велели держаться крепче. Он вцепился в сбрую, но всё же прокричал вниз, не видя там ничего:

– Анна! Я вернусь! Обязательно вернусь!!!

Овечка стояла на коленях в снегу и смотрела на небо. Казалось бы, только-только она видела целую свору странных зверей, похожих на оленей, и псов, только-только была рядом с братом, и в одну секунду всё исчезло.

Весь смысл, вся суть, всё хорошее.

Просто растворилось под натиском Жатвы.

На ватных ногах Овечка побрела в сторону фермы, утирая слезы окровавленными ладонями. Она не знала, как сказать дяде и тётке про всё. Не знала, что будет дальше.

Но Анжею она всегда верила. А значит, он вернётся.

Глава первая. Прибой

Вражка

Скалистое побережье тянулось на много километров и, казалось, ни конца, ни края не было этим серым мшистым обрывам, холодному бушующему морю и пронзительным чаячьим крикам.

Злой ветер заставлял траву кланяться, а одежду Вражки трепетать. Он заползал под ткань и щипал, и щекотал нежную кожу, но ведьма не сдавалась, куталась в плащ и сердито грозила ветру кулаком.

Глаза слезились, но она не решалась отойти от берега моря – боялась потерять единственный чёткий ориентир и не дойти до деревни вовремя.

Персок возмущенно фырчал, рыжеватая шерсть его дыбилась, голова моталась туда-сюда и всеми силами олень показывал, что данное предприятие ему не по душе.

– Ну не ворчи! – прикрикнула на него Вражка. – Нам ещё недолго!

Хотя она могла и врать, ведь сама понятия не имела, сколько часов пути лежит впереди.

Посмотрела на лес за полем сухой травой. Точно такие же поля она пересекала уже раза три с тех самых пор, как уехала из города. Свет Маяка давным-давно не освещал её путь, а она всё ехала и ехала, ехала и ехала...

Ветер снова дёрнул за капюшон шрема. Пришлось укутаться ещё плотнее.

Подышала на холодные ладони в попытке их согреть. Вздохнула: могла бы и поближе работу найти!

Хотя что там, она прекрасно знала, что все окрестные города и деревни имели своих ведьм, ворожей и колдунов, а конкуренции данный вид деятельности не терпел. Поэтому, когда Вражке пришло заветное письмо, она разве что не прыгала от радости. Собрала вещи, закинула их на Персока, попрощалась с друзьями-приятелями и двинулась в путь. В конце-концов, если ей не понравится новое место – она всегда сможет вернуться.

Вражка сменила много работ: и в окрестных деревнях подрабатывала, служила и в больницах, один раз гадала в специальном салоне; но так далеко от города, почти на край Калахута, не уезжала ни разу. Когда у неё был муж, давным-давно позабытый, она работала на дому: женщины и мужчины приходили к ней за всякими глупостями, вроде отворота-приворота, и Вражка втайне посмеивалась над ними, но виду не подавала, а колдовала. Другие приходили подлечиться: трава от боли в желудке, трава от головы, трава от сердца, от чего только им ни нужна была трава! И Вражка охотно вручала им нужные снадобья, а потом ехала в лес, собирала новые припасы, мурлыкая себе под нос верные песни и снова мешала их в своей любимой ступке из осины.

Собственно, ступка – это то небольшое, что у неё было с собой. Ещё запас трав, три книги, один блокнот, два комплекта юбок, бельё, три рубашки, всё для умывания, любимый гребень, маятник, маленький саквояж, и, конечно же, то-самое-зеркальце. Вот уже две декады Вражка повсюду носила его с собой, украдкой всматривалась в надежде... но видела только своё отражение.

Она старалась забыть про него, но не могла.

Персок заревел, привлекая Вражкино внимание к окружающей действительности.

– Ну чего ты... – начала была ведьма, но умолкла.

Вдалеке за синей рябью показались серые крыши домов, почти невидимых на фоне такого же серого неба. Пришлось хорошенько прищуриться, чтобы отличить их от скал, а когда ей удалось – ободряюще улыбнулась сама себе.

– Думаю, это и есть Прибой.

Олень не отреагировал, а просто продолжил брести в нужном направлении. Кастрюлки тихо звякали, прицепленные к седлу, вторя перезвону колокольчиков.

Вражка взялась за витеватые рога и мягко ударила по бокам животного. С томным вздохом Персок ускорил шаг.

Вместе с радостью к Вражке пришло волнение. Все приветственные фразы начали казаться ей очень глупыми и пафосными. Она принялась перекраивать их в голове, шёпотом проговаривать равнодушному оленю, репетируя.

– Маяк горит! Меня зовут Вражка, я пришла сюда работать как ведьма... Нет, как-то криво. Добрый день! Я Вражка, теперь ваша ведьма! Ой, нет, это ужас какой-то.

А деревенька всё приближалась. Теперь можно было разглядеть белые стены домов, синюю роспись на них, кривоватые заборы. Лес был совсем близко, сразу за небольшим кладбищем.

Пронзительно прокричал петух. Замычала корова.

Вражка почувствовала знакомое спокойствие тихой сельской жизни, совсем как в детстве, когда она ещё жила в пригороде. Запах соли перемешивался с запахом сена и убаюкивал, а спать Вражке хотелось страшно: она была в пути очень-очень долго и ночевала в холоде, греясь о бок Персока, костёр и спальник, но всё равно замерзала. Жизнь настоящего колоброды: неплохо, романтично, но она много бы отдала за кровать!

Дорога под копытами её скакуна становилась протоптанной, в поле бегали ребятишки, пастух выгуливал коров, кто-то выкапывал последний урожай. Вражка робко улыбнулась им, но получила в ответ лишь косые взгляды.

Неверное, они слишком устали. Снег вот-вот выпадет, им надо торопиться: собирать зерно, сваливать сено, утеплять ставни...

Под лай какой-то мелюзги ведьма въехала в село и тут же растерялась: куда теперь?

За ближайшим забором возилась женщина с детьми: нанизывала на нити сушёные яблоки, отбивая фрукты от назойливых мальчишек.

– Простите! – окликнула её Вражка. – Я приехала по работе. Могу я поговорить с градоуправляющим?

Женщина удивлённо поглядела на неё, а потом улыбнулась. Тут же она показалась Вражке очень симпатичной: от румяных щёк до кончиков коротких ореховых волос.

– Да, конечно. Собственно, её дом-то прямо на краю. Такой, с красной росписью, сразу узнаете. Её Мэрна зовут.

– Спасибо большое!

Ведьма махнула рукой и отправилась в нужную сторону.

Прибой на её глазах наполнялся жизнью: бабушки судачили на лавочках, деды делали тоже самое, но с сидром в руках, мужчины и женщины хлопотали по домам, трудились в кузнице, магазине, мастерской... Все были радостными и живыми, и сама Вражка от этого наполнялась радостью и живостью. Она почти физически видела их Свет – казалось, ещё немного, и он прорвётся сквозь кожу и рёбра, засияет ярче солнца.

Но нет, конечно, нет. Только со смертью...

Ведьма тряхнула головой, отгоняя мысли. Дом градоуправляющей появился из-за угла, хвалясь красным орнаментом. Он стоял на самом-самом краю утёса, будто бросал вызов всем стихиям. Качурки вились над его крышей.

Вражка прыгнула на землю, закинула сумку на плечо, поправила льяную юбку, окрашенную в голубой, пригладила длинные волосы и открыла калитку. Уздечку Персока накинула на

столбик. Ласково погладив оленя по шее и пообещав вскоре вернуться, пересекла крошечный дворик, полюбовалась украдкой на красные и белые ягоды шиповника, и постучала в дверь.

Из дома раздался голос. Слов было не разобрать, но по интонации Вражка поняла, что её приглашают.

Отворила дверь, вошла внутрь. Половица под ковром приветливо скрипнула, запах тёплого чая и соснового дерева тут же придал ощущение уюта. Стены были белыми, в прихожей висели правила, написанные на желтоватом пергаменте: «не шуметь! входить по одному! со своей едой можно!». Вражка кинула плащ и шрем на крючок, открыла следующую дверь и оказалась в просторной тёплой комнате. Первое, что бросалось в глаза – огромные окна, выходящие прямо на море, где горизонт утопал в сизой дымке, а тёмная вода начинала проявлять свой непростой характер. Посередине комнаты стоял большой стол, тоже белый, за ним сидела женщина: полная, с вьющимися волосами, уложенными в высокую причёску. Она хмурилась и читала какие-то документы.

– Садитесь, садитесь, – сказала она низким грудным голосом, не поднимая головы.

Вражка села на краешек стула прямо напротив женщины, должно быть, как раз Мэрны.

На стенах висели дипломы, вырезки из газет, награды, карта Калахута и несколько картин. Ряд стульев аккуратно примостился рядом со второй дверью.

Весь кабинет показался Вражке крайне симпатичным, чувствовались в нём забота и уют.

Женщина с театральным вздохом откинулась на спинку стула.

– Фууууух, ну и волокита. Тому подпиши, этому распиши, а третий вообще читать не умеет – ему зарисуй.

Она подмигнула Вражке.

– Вы-то небось читать умеете?

– Эм... да... конечно.

– Ну и славно! – она протянула руку. – Я Мэрна, градоуправляющая. Маяк горит.

Вражка пожала ладонь, скрепляя знакомство.

– Горит Маяк! Я – Вражка. Я приехала работать ведьмой. У меня письмо.

– Да, я так и поняла, что это вы. Хотите чаю?

Вражка подумала было отказаться, но прислушалась к собственному телу и поняла, что организм ей такого не простит.

– Да, благодарю.

Мэрна встала и исчезла в неизвестной двери. Вражка успела разглядеть там плиту и чайник.

Через три минуты градоуправляющая вернулась. В руках у неё дымились две чашки.

– Вот, пожалуйста. Это местные травы и черника – прогревает до костей, но что ещё нужно в такую погоду!

Ведьма занесла руку над паром, согревая озябшие пальцы.

– Верно. Всю зиму его пить буду.

– Конечно! Мы и пьём. Этот чай, ну, ещё с малиной. И сбить.

Вражке страшно понравилось, что начали разговор они о чае, а не о предыдущих местах работы. Это стремительно привязывало её к месту, показывало, что тут она отлично приживётся.

Чай оказался очень вкусным.

– Зима, как вы видите, на носу, – продолжала Мэрна. – Говорят, в эту декаду Жатва уже прошла, но, видимо, мимо нас. Вы её не застали?

Что-то внутри Вражки ёкнуло. Она покачала головой.

– Ну и славно, – Градоуправляющая тоже отпила чаю. – Ну и хорошо. Потому что, знаете, мы всеми силами пытаемся как-то настроить нашу жизнь. Развиваться там, школу вот открыли: маленькую, правда, но хоть что-то. И нам бы не хотелось, чтоб всё это было разру-

шено, так что можем порадоваться, что и Жатва прошла мимо и снег вместе с ней припозднился. Собственно... – она промочила горло. – Собственно, мы хотим построить фабрику, развить деревню до села для начала, делать рыбу слабосоленую, в бочках, наладить производство. Мне говорили, что в городе уже множество фабрик, так?

Вражка кивнула. Фабрики её не нравились, но отрицать их наличие было глупо.

– Ну вот, мы не хотим отставать. Конечно, есть некоторые трудности в... м... доступности нашей деревни, но, говорят, в земле Папоротников уже проложили железную дорогу, уверена, что и до нас недалеко.

Надо же, какие амбиции! Земля Папоротников находилась на другом конце Калахута, а хваленая железная дорога пролежала лишь от города Папоротников и Цапель до города Харум всего на несколько десятков километров, там в принципе-то можно было и пешком дойти.

– Да и дирижабли... – Мэрна посмотрела в окно, словно у неё там был припрятан свой собственный. – Конечно, это тоже пока редкость, но это перспективы, понимаете... развитие. Собственно, – она поставила чашку на стол, – ведьма нам совершенно необходима для душевного равновесия, здоровья граждан, предсказания, ну и всего такое.

– “Ну и всё такое” – это моя специальность, – пошутила Вражка.

– Прекрасно! Прекрасно! Ещё чаю? Нет? Ну ладно. У нас тут жил колдун, конечно. Мужчина по имени Божир, но встретил какого-то парня, барда, кажется, да и уехал с ними скитаться. Ну, а мы, как видите, – она раскинула руки, – не при деле остались. Поэтому и вам очень рады. Скажите, где вы учились?

Этот вопрос всегда ставил Вражку в тупик, хотя ответ она могла и во сне сказать. Но как тут объяснить без длинной предыстории: зеркальца, дружбы, предательства, взрыва? Да никак. Да и люди не очень хорошо принимали эту историю – враждебно, на грани веры и опаски.

Поэтому ответила стандартное:

– Один путешественник показал мне несколько фокусов, когда я была совсем маленькой, я вдохновилась и решила учиться, а там взяла к себе соседская старуха, её звали Скилава.

Мэрна закивала.

– Хорошо, очень хорошо. Давайте тогда попробуем поработать. Жилище мы вам предоставим, кого-нибудь на экскурсию я вам направлю, всё покажет-расскажет. Завтра в полдень собрание у утёса. Ну, вы поймёте, там площадочка такая, с неё рыбу поднимают. Оплата от каждого своя, общего жалованья нет – на что договоритесь, но люди не жадные, не волнуйтесь. А теперь... скоро уже ночь.

Градоуправляющая, с удивительной для её комплекции лёгкостью, нырнула под стол и тут же показалась снова, держа в руках ключ. Протянула его ведьме.

Вражка приняла дар. Холодный металл оказался тяжёлым.

Мэрна показала вперёд, в стену, а по сути – на север.

– Едешь прямо-прямо-прямо, никуда не сворачиваешь. Последний дом справа – дом, где жил Божир. Там будешь жить, ужин велю принести в первый вечер, дальше разбирайся сама, у нас тут таврена есть, а в доме – кухня. Если что Божир оставил – всё твоё, забирай. Что ещё... а, прости, что не провожаю, да только тут, видишь, сейчас ещё и тебя вносить в список, отчёт заполнять. Но ты не заблудишься, а если заплутаешь – спроси, где Дом Колдуна, тебе всякий ответит. Ну, давай, завтра до полудня тогда!

– Спасибо вам большое! До свидания!

Вражка попятилась, направилась к выходу, обернулась, но Мэрна уже погрузилась в свой бюрократический мир.

Ведьма только подумала, что женщине с такими амбициями страшно не повезло оказаться в такой дыре. А потом все мысли исчезли из головы, остались только низменные желания поспать и поесть.

Вражка вышла в сумерки, села на оленя и отправилась искать нужный дом.

Глава вторая. Прибытие

Анна

Море было грозным и недружелюбным, кричало: “слушай, я хочу спать, хочу укрыться под слоем снега и льда и не видеть тут больше никаких кораблей! Уходи, оставь меня в покое!”

Небо было серым-серым, тяжелый ветер подгонял в спину, раздувая паруса.

– Потерпи, милое! – крикнула Чёрная Овечка волнам. – Скоро я с тобой на всю зиму попрощаюсь и встретимся снова только весной!

Холодные капли, словно птички взлетали над бортами “Чайки”, и кораблик живо прыгал вниз-вверх, вниз-вверх.

Только бы успеть...

Девушка перехватила канат, потянула на себя. Она провела посреди моря всю Жатву и не хотела сейчас заставлять Анжея волноваться, лишь надеялась, что у него эта зловещая ночь прошла так же легко, как и в море.

Вспоминая прошлую Жатву, Овечке оставалось лишь сожалеть, что у неё не хватило мозгов укрыться в море тогда. Глядишь, всё по-другому бы пошло.

Старый капитан поднялся на палубу. Густая борода, белая от соли, трепетала на ветру, глаза по привычке щурились, разглядывая горизонт. В зубах он сжимал трубку.

Сильными руками ухватился за борт. Лодку слегка качнуло.

– Доброе утро, Шем! – крикнула ему Анна.

– Привет-привет, Овечка! До берега уж совсем недалеко, я погляжу.

Берега не было видно, но у капитана Шема был какой-то встроенный компас, недоступный сухопутным. Овечка кивнула.

Море подбросило их маленький кораблик вверх и игриво подхватило судно на волну. Капитан погрозил ему пальцем:

– А ну-ка, не балуйся!

Шем не владел никакой очевидной магией, это Овечка знала, но со стихией у него была особая связь: легко можно было представить, как море ворчит “ладно-ладно” и успокаивается.

Собственно, “Чайку” перестало качать так сильно.

– Ну вот, – удовлетворенно пробурчал капитан и протянул Анне галету.

Девушка поблагодарила и откусила солоноватый хлебец, с усилием проглотив угощение. Она мечтала уже о горячей похлёбке, отваре из корешков махны или о мягкой булке в конце-концов, но в плавании выбирать не особо приходилось. Оставалось утешаться мыслью, что берег уже совсем близко, а там и брат, который даже обычную картошку мог превратить в амброзию.

– Как Жем? – спросила Овечка.

Капитан вздохнул:

– Не очень. Кашляет, как лягушонок. Надо будет с трапа сразу к лекарю, иначе... Ну, разболеется совсем, нехорошо будет, придётся осесть в городе, а нам потом возвращаться надо, ну это ты и сама знаешь.

– Если доктор Груна всё ещё работает – зайдите к нему. Он Анжея лечил, когда тот маленький был. И от пристани недалеко, там пройдете две улицы по центральной и свернете налево. Он дома принимает, я могу проводить.

Шем взмахнул гигантской ладонью:

– Да что уж я, дом не найду? Найду! А ты лучше езжай вперёд, а то братец-то тебя заждался небось.

– Что верно – то верно.

– Но если сделаешь сейчас Жему свой чай – будет хорошо.

Овечка улыбнулась и, поднырнув под снасти, влезла в люк. Несколько ступенек вниз, шаг через канат, пригнуться под балкой. На горелке кипел маленький чайничек, каким-то чудом устоявший на месте – явно нарушение контракта со всеми законами физики. С потолка свисала сушеная рыба, в углу мешок с крекерами, на стене карта, барометр; старый котёл бесформенной грудой темнел вдалеке. Свет робко прорывался через крохотное окошко, скакал безумным зайчиком по всей каюте.

Сразу за плитой находилась двухэтажная койка, на верхней постели которой посапывал мальчишка: худенький, но поджарый, кожа смуглая, а щёки – румяные и обветренные.

Анна выключила газ, гневный свист чайника умолк. Кинула в кружку ромашку, зверобой, липу, добавила ложку мёда, залила водой. Пока ждала, сделала им с Шемом по чашке кофе.

Ветер загудел, шаги капитана громом раздались над головой. Анна привыкла.

Процедив отвар, она потрясла мальчика за плечо. Большой сонно открыл глаз и промычал.

– Жем, мы скоро причаливаем. Я сделала тебе чай. Давай, просыпайся, собирайся и пей его, пока горячий.

Мальчик зевнул, привстал.

– Спасибо, Овечка, – прохрипел он голосом, который безотлагательно требовал вмешательства врача.

Чёрная Овечка кивнула, прихватила кофе и, балансируя на лестнице, поднялась наверх. Солёные брызги тут же прилетели в лицо и в напиток.

– Ваш кофе с солью, капитан! – крикнула она.

– Мой любимый! Благодарю!

Капитан Шем осушил свою чашку за два глотка, пока Анна пила помаленьку, кутаясь в шпир из тюленьей шкуры.

Морская пелена, охватившая всё пространство до неба, постепенно растворялась. Капитан ткнул пальцем вперёд:

– Ну, теперь-то видишь?

Городок бумажным трафаретом появился на горизонте. Тихий и спокойный, только чайки надрывались, оповещая всех о том, что земля и вода тут встречаются.

Дома уже покрылись белыми шапками, деревья нарядились в иней, но потеряли листву. Людей на причале было очень мало, но оно и понятно: все рыбаки давно уже ушли в море, а гулять с промозглым ветром под руку никому не хотелось.

Анна почувствовала привычное тепло: знакомая с детства радость, что она, наконец-то, снова окажется почти-дома и увидит Анжея. Городок не менялся совсем, только обзаводился нелепыми заплатками там, где совсем изнашивался: всё та же пристань, всё тот же магазин, где они таскали орехи, рыбная лавочка, заброшенный сарай, перевёрнутая лодка... Будто не пролетали года, не выросли дети, не сменялись времена года – город детства стойко противился течению времени.

“Чайка” сбросила скорость, Шем убрал паруса, взялся за руль и аккуратно, ювелирным движением, состыковал бок корабля с причалом. Лёгкий толчок – облегченный вздох судна, – и путешествие окончилось.

Анна подняла рюкзак, закинула за плечо. Поправила шнурок на высоком сапоге и неуверенно оглянулась на капитана.

Он верно истолковал её взгляд:

– Да беги-беги! Что ж я, не знаю что ли, как ты домой стремишься, чтоб тебя ещё тут задерживать? Я тут всё равно провожусь: пока лодку привяжу, документы заполню, Жема растолкаю... Так что давай, брысь домой. Брату привет.

– Спасибо, капитан Шем! Надеюсь, мы ещё увидимся.

– Взмахом крыльев Мотылька.

Анна махнула рукой, вышла на пристань, доски причала скрипнули под каблуками, ботинок чуть скользнул на свежем льду, но она устояла. Ещё раз помахав на прощание, быстрым шагом отправилась в город, не оборачиваясь.

В лавку заглядывать не стала, да и желание пообедать в трактире отбросила: знала, что её разморит от тепла и сытости и придётся ночевать где-нибудь под столом. Нет уж, легче сделать последний рывок и спокойно поесть дома.

Она встала на знакомую дорогу, по которой час по прямой до фермы. Голова чуть-чуть кружилась, земля ходила туда-сюда, помня о море, но Овечка старалась держаться молодцом и шагать бодро.

Ночью, видимо, шёл снег: еле-еле видна лыжня, но человеческие следы замело совсем, поэтому приходилось прокладывать себе путь заново, утопая по голень. Над головой пели бесстрашные птицы, красногрудые снегири копошились в ветках кустарника, выискивая ягоды. Белое полотно успокаивало, но снег уже набился в сапоги, что мешало наслаждаться пейзажем.

Она шла уже довольно долго, как услышала звон колокольчиков – её нагоняли большие сани, запряженные двумя оленями, колокольчики на их рогах позвякивали.

На вожжах сидела женщина, укутанная в вязанный шрем так, что виднелись только глаза. Овечка энергично помахала, и сани остановились.

– Горит Маяк! – поприветствовала её женщина. – Далеко тебе?

– Горит! До ближайшей фермы.

– А, ну запрыгивай тогда – всё равно по прямой.

Овечка, радуясь своему везению, забралась на вожжи и уселась рядом с женщиной. Вознице не нужен был разговор, поэтому все полчаса дороги они провели в благословенном молчании, наслаждаясь мелодией металла да птичьими трелями.

У нужного поворота Овечка спрыгнула с саней, бегло поблагодарив за поездку. Женщина кивнула, даже не глянув на неё, и поехала дальше. Колокольчики продолжали задорно звенеть.

Ферма Анжея виднелась из-за деревьев: зелёные стены, серая крыша, из трубы валит дым. Многих усилий стоило устоять и не помчаться к родному убежищу со всех ног, поэтому Анна просто перешла на быстрый шаг. Воспоминания падали на неё, как снежинки: все их игры, чаепития, радости, горести, визиты, совместную работу и приключения.

Она очень любила этот дом и всех, кто в нём. И всё же иногда боялась его: казалось, что он, как якорь, удерживает от свободного плавания, окончательного полёта, не даёт стать полностью собой. А вот обитатели – это другое.

По дяде с тётей она скучала, конечно, но Анжей всегда был для неё номером один, с самого детства. Овечка приезжала на похороны тёти в прошлом году и задержалась дольше обычного, поддерживая брата, пока он сам не отправил её в путь. Он отправил, а в глазах у него было “останься здесь, тут так одиноко”. И всё же она уехала, пообещав писать.

Написала за всё время два раза.

Залаяли собаки. Лохматое нечто, больше похожее на медведя, выскочило из конуры и забрехало на всю округу. Тревожно замычала корова за домом.

Собака – звали её Яблочко, всё не унималось. К ней присоединилась вторая – кособокая одноглазая дворняга по кличке Блинчик.

У Анжея была удивительная способность не только обогреть всех сырых и убогих, но ещё и подбирать им совершенно неподходящие имена.

– А ну цыц! – прикрикнула Чёрная Овечка. – Своих не узнаете?

Яблочко призадумалась, Блинчик продолжил лаять.

Анна отворила калитку, одновременно с этим отворилась дверь дома, и Анжей вышел на улицу. Тут уже Овечка не сдержалась и кинулась к брату со всех ног, а он – ей навстречу.

Пришлось подпрыгнуть, чтобы ухватить его за шею, и в следующую секунду они уже кружились на снегу, радостно смеясь. С прошлого года Анжей умудрился ещё подрасти и возмужать (хотя казалось бы – куда?). Медные волосы волнами зачёсаны назад, веснушки горят на бледном лице. Тёплые глаза глядят радостно, как всегда.

Овечка потрепала его по голове.

– Ну ты и дылда! – крикнула она.

Анжей ахнул и поднял её в воздух. Невысоко, но Овечка испуганно взвизгнула для приличия.

– Пошли в дом, я приготовил тебе суп.

– Святой человек! – выдохнула Анна, и живот её тут же радостно откликнулся на предложение брата.

Тарелка с супом из утки притягательно дымилась и манила одним только запахом. Рядом стоял рыбный салат, пирог со шпинатом и чайничек травяного отвара.

Овечка наворачивала ложку за ложкой, попутно отогревая ноги в одеяле, а собаки попытались было выклянчить у неё кусочек утки, но девушка быстро их приструнила.

Анжей сидел напротив, пил чай и размеренно пересказывал последние события. Иногда доставал очередную банку варенья и, получив отказ (сладкое Овечка не любила), убирал назад, в закрома. Периодически подкидывал дрова в печь, глядя толстого ленивого кота, пробуждая громовое мурлыканье из пушистой туши.

Дремота мягким пледом укутала Овечку: после такого долгого пути, в атмосфере тепла и уюта ей страшно захотелось спать. Приходилось часто моргать и мотивировать себя едой, но слова Анжея начали потихоньку растворяться.

– Чеслав, вон, заглядывает ко мне – мы на рыбалку ходим. Ему ехать неблизко, но он привозит корм курам, а потом целый день просто сидит, удит рыбу и молчит. А мне-то что – пусть привозит, пусть сидит, он славный, – говорил брат.

– Угу... – кивнула Анна, прожёвывая пирог.

Она моргнула. Слишком долго, когда глаза открылись – Анжей уже вещал о другом:

– ...у него было пробито крыло, но что мне с вороны – мяса ноль, перья не нужны. Поэтому я его забрал и выходил. Он сейчас тут, лететь ещё рано, но сварливый – ужас! Я тебе покажу, он в пристройке живёт, там клетка...

Снова темнота. Внезапно Анжей появился совсем близко.

– Так, Анна. Иди-ка ты спать. Вижу же, что у тебя глаза слипаются. Твою комнату я подготовил, там должно быть тепло. Если нет – принесу ещё одеяло.

Овечка слабо улыбнулась, поднялась и побрела по привычному маршруту по коридору, сказав:

– Спасибо, ты лучший. Посуду потом помою.

– Хорошо, – сказал Анжей. – Спокойной ночи, хотя, конечно, сейчас только день.

– Спокойной.

Дойдя до нужной комнаты, Анна услышала звук воды, мыла и звон тарелок.

Её комната не изменилась с весны, только стала опрятнее. Видно, Анжей приготовился к приезду сестры капитально: подушка взбита, лоскутное одеяло аккуратно лежит на кровати, у изголовья – сухие травы и воздух свежий-свежий.

Скинув одежду, Овечка быстро юркнула под одеяло, поглядела за окно, где царствовала зимняя сказка и закрыла глаза, провалившись в сон.

Зима коварна и путает любого, кому не посчастливилось уследить за солнцем. Вот и Овечка пропустила его заход, а проснувшись, долго моргала в темноту, пытаясь понять, какой

вообще день и сколько она проспала. Потом решила, что гадать глупо и встала. Продефилировала до кухни прямо в одеяле, где и нашла Анжея.

Брат сидел в круге света, исходящего от лампы, читал книжку. Собаки и кот расположились рядом: кто в ногах, кто на коленях.

Услышав шаги, Анж захлопнул книгу, встал, аккуратно распахивая недовольную живность.

– Кофе?

– О да, пожалуйста!

Зевая, Овечка уселась за стол. Пахло выпечкой. На стене мирно тикали часы, показывая семь вечера.

– Слушай, Анж, а вот сейчас семь вечера сегодняшнего дня?

– Конечно, это же сейчас. А “те семь вечера”, были бы, скорее всего, семью вечера вчерашнего дня.

– Ты меня прекрасно понял, не умничай.

– Ну ладно. Тогда да, ты проспала часов восемь.

– Неплохо. Мне казалось, прошла неделя.

– Было бы грустно, ведь я не смог бы с тобой говорить.

Ловким движением Анжей наколдовал две чашки кофе, наполнил кухню умопомрачительным запахом и поставил на стол. Добавил себе молока, сестре оставил как было – чёрный-чёрный напиток под стать её волосам.

Навалившись на стол и счастливо щурясь, Анна вдыхала аромат горячих зерён, теплого дерева и домашнего уюта.

– Расскажи, где ты была летом.

– О! Весной я отправилась к маме, на землю Ках, она там как раз остановилась со своим кланом.

– Это который с Крутом?

– Да, они до сих пор кочуют все вместе этой огромной семьей: Янушем, Марьей, Зендой, Агатой...

– Здорово. У неё всё хорошо?

– Ага, тебе привет и много объятий! Так вот, на земле Ках и встретилась с мамой, Крутом и остальными, и мы отправились на остров Доврич, там Солнечный берег.

– Это же на юге?

– Почти, на юго-востоке. Он, формально, принадлежит земле Пустырника, но живут более-менее отдельно, у них там законы свои и всё такое. Они только с князем всякие важные политические вещи обсуждают, ну и всё. Свободный народ.

Анжей достал из печки пирог. Выпечка дымилась и застенчиво румянилась. Брат разрезал пирог на куски: яично-луковая начинка немного вывалилась наружу – с такой щедростью была положена. Овечке достался кусок размером с две её ладони, но она не жаловалась: готовку брата она обожала и ни за что бы не оставила ни крошки. Усердно дую на горячее угощение, продолжила рассказ:

– В общем, мы на этот остров плыли несколько дюжин дней, но зато по спокойному морю. Один раз видели дельфинов – они чуть не потопили нашу баржу, но обошлось. А сам остров, Анжей! Он потрясающий. Там песок сияет, как солнце, даже глаза слепит, поэтому все местные часто носят такие забавные очки с тёмными стёклами, и я носила, а то невозможно любоваться так, чтоб глаза не слезились. И он мягкий-мягкий, этот песок, лежишь, как в одеяле. И море тёплое, даже по утрам можно купаться. А ещё там птицы! Наверное, тысяча птиц за один раз летают, я сначала подумала, что это грозовое облако, оказалась нет, так они танцуют каждый день, эти стаи. Там и другие птицы есть, огромные, размером с двух оленей, наверное. Они

голубые, живут на скалах в дальней части острова. Я как увидела – подумала, что мне конец, но нет, они рыбой питаются. Но жуть, конечно. Но хорошо.

Она откусила кусок, зажмурилась от удовольствия.

– Там на Довриче не очень большие города, мы были на Солнечном берегу – это я уже говорила – там город Тарса. У них все домики очень низкие, в один этаж, и разноцветные. Прямо селение, а радуга, как в сказках. Местные очень часто ходят на рыбалку и лодки у них тоже всё цветные, кроме фиолетового, они думают, что фиолетовый – к неудаче, но почему – так и не сказали. В общем, хороший остров, мне понравилось. Я там с парнем познакомилась, Глепо, и перекочевала жить к нему.

– Ох уж эти твои курортные романы, – улыбнулся Анжей.

Овечка хохотнула.

– Ну а что! Он был очень милым и красивым, показывал мне остров, водил меня на рыбалку и знал, что я уйду к зиме – всё по чести. Зато мы с ним хорошо провели время. Там в городе довольно спокойно, но всё равно приезжим лучше держаться с кем-то из местных, одну девушку из клана, вон, ограбили в первый же день на рынке... Конечно, она сама хороша – держала все деньги в сумочке, но всё же. Второго парня, но это уже под конец, пытались тоже ограбить, но уже по-серьёзному, с ножами и угрозами. По счастью, он ходил с друзьями, так что... в общем, всё хорошо закончилось.

– И ты всё лето лежала на пляже и рыбачила?

– Обижаете! Я же не иждивенец, на шее у Глепо или мамы сидеть. Не, там у них есть плантации целые мясных орехов, я их собирала. Это не так-то просто, я тебе скажу, у них очень колючие кустарники, и эти орехи, почему-то, очень любят островные гадюки, так что приходилось ходить в таких высоких сапогах и перчатках, а ещё с палкой. Я убила гадюк сорок, мне кажется.

– Ого, – Анжей снова поставил чай.

– Ага. Там у них очень большая проблема, хоть все про них знают, а всё равно суются, так один мужик чуть не умер.

– Ужас.

– Ну, не умер же... В общем, там много всего было. Мы и к этим птицам ходили, и на деревьях ночевали, и от змей отбивались, но в основном тихо, спокойное лето. В конце мы отправились назад, заглянули в Джину и Паинтис, шли по устью реки Кхара, а потом я как раз высадилась у Мады, это через пролив. Там нашла Шема, ну, вот.

Посмотрев в окно, Анна понизила голос:

– Меня всегда удивляет, как такой большой отрывок жизни может быть рассказан в трёх строчках, я столько дней там была – а тебе всё за одной чашкой кофе выложила. Знаешь, самое главное в путешествии состоит из мелочей, и мне бы так хотелось тебе их показать, а когда я пытаюсь их вспомнить сейчас – они разлетаются в мыслях как те птицы.

Анжей похлопал её по руке, налил кипятка в заварку, подкинул дров в печь:

– Ничего, у нас ещё полно времени, а ты очень устала.

– И то верно.

Они немного помолчали. Снег за окном пришёл в движение: принялся демонстрировать ночи грациозный танец снежинок под аккомпанемент из свиста ветра и уханья совы. Свеча почти догорела – пришлось поменять на другую.

Анне показалось, что, несмотря на радушный приём (хотя другого и не ожидалось), что-то тревожит её брата: он часто украдкой поглядывал в окно, прислушивался к чему-то, нервно отбивал дробь ногтями по столешнице. Он был добр и внимателен, но он был таким всегда, а вот нервничал нечасто.

Долго тянуть смысла не было, сделав глоток горячего напитка, Овечка спросила:

– Анжей, что у тебя стряслось?

– Всё в порядке, – робко улыбнулся он.

Раздражение зажгло щелчком – Овечка терпеть не могла все эти окольные пути “ну-пожалуйста, расскажи, почему ты злишься-обиделся-расстроился-плачешь”. По её мнению, жизнь была бы намного проще, если бы люди прямо говорили о том, что они думают и чувствуют.

А вот Анжей в этом плане был полной противоположностью.

– Так, давай ты просто расскажешь мне, хорошо? Всё равно же я выпытаю, так что сэкономим время и нервы, ну серьезно.

Анжей вздохнул, признавая её правоту. Помолчал. Отпил чаю. Открыл рот. Закрыл.

Овечка внутренне считала секунды, контролируя искорку злости.

– Анж....

– В общем, мама, как оказалось, заложила дом, – выпалил он. – Совсем. Людям, которым теперь я должен кучу денег...

– Ага....

В голове тут же родилось куча планов – один другого безумнее. Но они не перекрывали главной мысли: “Ну как так-то?”

– А уже приходили?

– Да, каждые пару дней является какой-нибудь ушлый тип, сует мне бумагу с маминой подписью и спрашивает, когда я отдам долг. Отдавать, как понимаешь, я могу только цыплятами да картошкой.

Овечка стукнула кружкой по столу так, что вся посуда вокруг звякнула.

– Вот же ублюдки! – вскрикнула она.

– Ну, это тоже их работа...

– Это не работа, Анж! Это чистое вымогательство!

– Но мама...

Не в силах больше держаться, Овечка вскочила. Сделала шаг вправо, шаг влево – не знала, куда девать энергию. Снова хлопнула ладонью по столу.

– Тётушка была...

Она проглотила слово “не в себе”. После смерти дяди тётя стала совсем плоха головой, и до самой своей смерти погружалась в какие-то свои грёзы и выдумки, не всегда безболезненные для окружающих.

Но даже в пылу гнева Анна не хотела снова мусолить эту бесконечную тему: их с Анжеем вечера, когда они выискивали бедную женщину и вытаскивали её из метели, убеждали, что они-то её любят, что всё хорошо, что ей не нужно бежать и прятаться.

Это было утомительно. Овечка тогда не раз ловила себя на мысли, что умереть тётушке было бы легче, чем мучить себя и остальных, но стыдила себя за это и убирала мысль в дальний угол сознания.

А когда маму Анжея хоронили – втайне вздохнула с облегчением.

– У тебя есть копия договора?

– Да.

Брат подошёл к шкафу, вынул папку, а оттуда договор. Обычная бумажка с сургучом.

Овечка взяла её в руки и подивилась: как один невзрачный листок может испортить жизнь целой семье!

Договор был составлен безупречно: “обязуюсь выплачивать долю <...>, в случае смерти передаю полномочия наследнику <...>, заверено <...>”

Никакого мелкого шрифта. Все формулировки предельно ясны.

Девушка подавила в себе желание порвать проклятый контракт: толку не будет, а проблем прибавится. Тяжело осела на стул.

– Ох, не надо было уезжать.

– Кто же знал.

Вместо ответа Овечка уронила голову на руки и занялась самым мучительным и бесполезным занятием: вспоминала прошлые ошибки и корила себя за них.

Ах, если бы она осталась после похорон... Если бы задумалась о наследстве Анжея... Если бы получила следила за тётушкой... Если бы...

Если бы.

Трещали поленья в печке, часы мерно тикали, а кот тихо-тихо мурчал кошачьи колыбельные. За окном ухнула сова.

Анжей легонько тронул её за плечо.

– Анна, ну ты чего. Разберёмся. Придумаем что-нибудь. Будем выплачивать по частям.

– Угу. Это если они принимают сосновые шишки в качестве валюты... О, кстати, я же привезла тебе!..

– Что, шишки?

– Да нет же! Смотри!

Она подняла с пола рюкзак, который благополучно пролежал на кухне весь день и начала выгружать контрабанду.

Многочисленные свёрточки, баночки и пакетики горой начали расти на столе.

– Это чай Нута, а это – корешки мышиноного корня, его заваривают. Это цукат из фрукта Мины, он острый. О, вот, смотри, тут папоротниковые орехи! Они на вкус как курица. Понятия не имею, почему они так называются. Это специя кар, из города Последователей Юга, она сладковатая, можно запечь с картошкой или добавить в пирог. Это варенье! Наслаждайся. Я не помню только... А, из джина! Мне дал его один купец. Так, тут кофе. Я собирала зёрна, надо будет их обжарить. Мне говорили, как, но сама я не пробовала, так что считай, эксперимент. Это вино Маяка. Так, а в этом пакетике... Тут семена. Посадишь весной, это цветы стыда.

– Почему стыда?

– Они закрываются, если их коснуться.

– Ааааа... надо будет тогда их на дальнюю грядку.

– Угу. Так, ну это всё. А нет, не всё, – Анна достала книжку. – Это из города Подсолнухов и Ласточек. Мне её автор подписал. Я прочитала в дороге, ничего такая.

Зелёная обложка, на ней золотыми буквами “Вечные пути подземелий”. В авторах некий Казимеж.

– Ну, задарила.

– Что “задарила”, еду-то по-братски разделим! – оскалилась Овечка.

Анжей картинно ахнул:

– Что? Ой, нет, тогда не надо. Забирай, уезжай, до свидания, приятно было повидаться! И они рассмеялись так громко, что собаки недовольно заворчали.

Овечка решила, что завтра встанет пораньше и ещё раз перечитает контракт. Под вечер думать о всяких ужасах и проблемах совершенно не хотелось, и она уж было предложила откупорить вино, как увидела по глазам брата, что он хочет сказать что-то ещё, но не решается.

– Ну? – спросила она тоном школьной учительницы на контрольной.

И, как нерадивый ученик, Ажей потупил взгляд.

– Слушай... А у вас там проходила Жатва?

Овечка обреченно простонала. Этой темы она и боялась, а, как известно, если бояться чего-то слишком сильно – обязательно сбудется.

– Я была в море, Анж. С Шемом и Жемом, на “Чайке”. Специально в этот день во избежание. Возможно, надо было приехать, но я не успевала...

Анж кивнул, нахмутив брови. Отблеск свечей зажигал маленькие искры в его волосах.

– Ну да. В море... просто её и тут не было. В смысле вообще. Я понимаю, что она не по всему Калахуту, но...

– Анжей! – Овечка снова ударила несчастный стол. – Прекрати, ради Света Маяка! Ну сколько можно уже.

– Я просто думал...

– Думал, да! Но смирись уже с тем, что больше тебе об этом думать не надо. Вообще! Никак! Порадуйся там за жизни своих друзей и соседей, что всё хорошо. Да для всей земли Ветров то, что её тут не было – это отлично! Прекрасно! Восхитительно!

Кот недовольно мяукнул, потребовав не кричать, но Овечка его проигнорировала.

– А если что-то случилось? – тихо-тихо спросил брат.

– То это праздник для всего Калахута.

Она прекрасно видела, что ему неприятно это слушать. Но он знал, с кем говорит, когда искал утешения и поддержки. Знал, как она относится ко всей этой истории.

А она её терпеть не могла и была готова вываливать ушат с правдой ему на голову каждый раз, если была хоть какая-то надежда вдолбить её Анжею.

– Ладно, оставим, – он отвернулся к плите.

– Нет уж, давай не будем. Ты в прошлом году об этом не обмолвился же. Специально ждал декады?

Кивок.

– Ты дурак или прикидываешься?!

– Дурак. Но иногда успешно мимикрирую под умного.

– Не так уж успешно, судя по всему!

Он пожал плечами и ничего не ответил, но Овечка уже не могла остановиться: в груди билось и клокотало пламя, ей казалось, что Свет её превратился в пожар, согрел её от макушки до пят и вот-вот спалит дом.

– Хватит! Я просто прошу тебя, хватит! Тебя выгнали и всё – дело с концом. Ни один нормальный человек не ждёт после такого, что его снова заберут в волшебную страну. Да ладно, ладно бы ждать – так просто все твои надежды на безумного ублюдка.

– Анна, пожалуйста, давай закончим...

– А давай нет?! Что ты будешь делать? Ждать новую декаду в слепой надежде? Сунешься сам на остров Цветов, чтоб тебя разодрали эти твари? Я-то думала, что ты поумнел, раз молчал, а ты нет...

– Говорю же. Признаю.

– Толку? Сам себя накрутил и всё.

Анжей обернулся, глянул на сестру предельно устало, и она тут же замолчала.

– Хорошо, Анна. Всё, ты права. Я глупо ждал, но никто за мной не пришёл. Конеч. Больше ждать не буду – я не настолько дурак.

Овечка закрыла глаза. Вдох. Выдох. Сосчитать до десяти.

– Где ты был в ночь Жатвы?

Пара секунд молчания.

– В лесу.

– Ох, Анж.

Подалась вперед и обняла брата. Погладила по волосам, устало думая о том, какой он всё-таки глупый. Большой и глупый.

На утро Овечка влилась в привычный зимний ритм: Анжей колот дрова, а она таскала из в дом; Анжей резал фрукты, а она их развешивала сушиться не верёвочке; Анжей утеплял ставни, а она выбирала для этого самые плотные лохмотья.

Они кормили кур, коров, пытались совладать с одним упорным бараном, ловили сбежавшего в поле Блинчика, на обед ели свекольный суп и мололи заморский кофе.

Мир был тих и спокоен, словно их небольшой домик накрыли стеклянным шаром. На горизонте ни души, только белое пушистое покрывало укрыло лес.

Темнело до обидного рано. Овечка затопила камин в зале, села на диван. Ей страшно нравилось, что на ферме была и печь, и камин: можно было топить по разным случаям и получать от этого совершенно разное тепло.

Анжей принёс подогретое вино со специями. Вереница хвостов и лап крутилась у него под ногами, урча, ворча и привлекая к себе внимание.

Брат протянул тяжелую глиняную кружку.

– Помнишь, как мы ночевали на печке во вьюгу?

Овечка попробовала горячий напиток: терпкий, ароматный и совершенно незаменимый, когда за порогом царят холода.

– Конечно. Мы там ещё всё занавешивали, как в домике.

– Сейчас мы туда уже не поместимся, а жаль...

Девушка фыркнула:

– А надо было думать перед тем как расти таким большим!

Анжей только развёл руками.

Толстый кот по имени Кабачок прыгнул Овечке на колени и ультимативно свернулся клубочком. Ветер жалобно стучался в окно, но никто и не думал его пускать. Полено тихо трещало под огнём, кот мурчал, шелестели страницы книги Анжея.

– Забавно, – сказала Анна. – Что тут хорошо.

– А что забавного? – брат оторвался от страниц. – Разве тут может быть по-другому?

– Нет, не может, конечно. Просто мне кажется, я бы не так это ощущала, если бы была здесь.

– В смысле, если бы не уезжала?

– Ага, – она сделала ещё глоток, смакуя напиток.

– Ну не знаю. Я чувствую, что люблю это место всё время.

– Ты в этом плане – уникальная снежинка, Анжей. Ты умудряешься любить всё и от всего Света. Думаю, если бы его можно было достать – он бы осветил всю землю Ветров.

Анжей инстинктивно прижал ладонь к рёбрам в защитном жесте.

– Не надо, мне и с ним хорошо.

– Охотно верю!

Они немного помолчали. Анжей уронил голову на подушку.

– Анна, а ты никогда не думала остаться?

– А ты никогда не думал уехать?

– Вопросом на вопрос – нечестно!

– Жизнь вообще такая, привыкай.

Он помотал головой:

– Не хочу. Мне нравится она такой, какой мне представляется.

Овечка фыркнула и осушила кружку до дна:

– Тогда ты либо дурак, либо идеалист.

– Так решили вроде же, что дурак.

– А, ну да.

Она перехватила кота, приподняла и сменила позу, подвернув ступни под себя, а потом вернула недовольное животное на отвоеванное место. Анжей потянулся и подкинул в огонь ещё полено, после чего вернулся в диванную обитель.

– Ну так что, Анж? Может, весной поедешь со мной?

– Куда я дену ферму?

– Можно её ... продать. Ты не думал об этом, Анж? Просто с ней сейчас столько проблем.

С тяжелым вздохом Анжей покачал головой.

– Думал-то думал... да только что нам это даст? Мы просто потеряем дом ради... чего? Дома поменьше? Жизни в городе? Вот уж нет, спасибо. Я бы хотел навестить город или уехать

ненадолго, но потом обязательно вернуться, – он погладил Яблочко по загривку. – Мне нравится, что есть место, куда я могу стремиться, и я бы не хотел его терять. Поэтому давай лучше придумаем, как его отстоять.

Овечка прикрыла глаза. Она и сама не хотела расставаться с домом, но продажа была хорошим вариантом. Но на нет и суда нет.

– Ну, давай продадим корову. Или найдём клад.

– Неплохо. Только все сокровища снегом засыпало.

– Проклятие!

Они ещё немного помолчали, наблюдая за узорами огня.

– Слушай, Анжей, – снова заговорила путешественница. – Давай так: на ферме ты и без меня справишься так-то. Давай я пока пойду в Чаячью Бухту и посмотрю там работу? Может, им нужны контрабандисты – я неплохо пересекаю границу.

– Честно говоря, я не знаю, какая там может найтись работа. Деревня-то мелкая совсем, все места заняты. Хотя попробовать можно, почему бы и нет. Давай только я с тобой поеду – запрягу Бузину.

– У тебя сани?

– Да.

Прищурившись, Анна воскресила в памяти старого оленя, сонного и неторопливого.

– Слушай, я пешком быстрее дойду, чем Бузина.

– Ага, и снега в ботинки наберёшь столько, что мы им будем торговать.

Чёрная Овечка пошевелила пальцами ног. Ей совсем не хотелось замерзнуть, поэтому очень быстро сдалась (так толком и не поспорив):

– Ладно, запрягай свою старушку-Бузину, – она встала, поставив кота на пол. – Будешь ещё вина? Я хочу взять что-нибудь почитать, а то ты всё с головой в книгах, аж завидно.

Анжей улыбнулся. Где-то в глубине дома закаркала ворона.

– Не завидуй, а возьми себе в библиотеке Всеслава Земного, первый том. И вина, да. На кухне, конечно, не в библиотеке.

Прижав к груди чашки, Овечка скользнула в коридор, где было чуть-чуть холоднее и темнее, но всё так же хорошо.

Глава третья.

Меховой дом

Вражка

Зима была немилосердна к Прибою: тот, кто строил деревню мог бы догадаться, что размещать её на открытом скалистом утёсе у моря не лучшая идея. Улицы нещадно продувало, жители укрепляли заборы, делая их выше и плотнее, но между домами приходилось передвигаться короткими перебежками, спасаясь от пронзительного ветра.

Вражку утешало одно: к ней приходили чаще, чем она к кому-то. Поэтому, глядя на очередного продрогшего бедолагу, семенящего к её домику, тут же ставила чай и готовилась принимать гостя.

Приходили к ней не так уж много, и просьбы их почти не отличались от просьб городских жителей: вылечить зубную боль, погадать на судьбу, занозу из пальца вытащить, порчу снять... Обычные просьбы обычных людей.

Свой крохотный домик Вражка полюбила сразу, как только подмела пол и смахнула пыль с шкафов: белые стены, небольшая печка, узорчатые длинные ковры, скрипучие половицы, пучки сухих трав под потолком, где шёл венок нарисованных синих цветов, а на шторах красовалась руническая вышивка.

Спальня была и кухней, и прихожей с единственным окошком, смотрящим на лес. До уборной приходилось бегать через двор – это был существенный и холодный минус, но ведьма быстро смирилась.

Ухаживать за садом был не сезон, поэтому Вражка посадила на подоконнике мяту да розмарин и шептала каждый вечер им приятные слова для быстрого роста.

Персок отправился жить в общее стойло к другим оленям и выглядел по этому поводу абсолютно счастливым. Вражка навещала его время от времени, приносила сахарок и плату за аренду места и корм (монета за сезон – сущий пустяк, мешок картошки дороже стоит).

Местные к новенькой быстро привыкли: начали приносить гостинцы, останавливать на улице, чтобы поздороваться. Плохо не относились – боялись проклятия. Дети клянчили фокусы, взрослые – скидку. Мэрна периодически выслушивала об успехах, поила чаем и отправляла восвояси, но сильно не интересовалась – всё занималась своими разработками по улучшению, настолько же скрытыми, насколько нереальными.

Больше всего Вражка сдружилась с той самой женщиной, что указала ей дорогу в первый день. Её звали Лида, она была женой Ерина и матерью двух шkodных ребятишек – Димы и Горна. Лида отличалась очаровательной птичьей миниатюрностью, мальчишеской стрижкой, огромными глазами и громовым голосом в моменты ругани на детей или на мужа. Остальное время она хихикала колокольчиком.

Ведьма очень быстро нашла с ней общий язык, как с и большей частью Прибоя – улыбалась всякому прохожему, делала маленькие подарочки, с удовольствием болтала ни о чём, присутствовала на посиделках в таверне и пела баллады в унисон.

*“Постой же путник, не спеши
Там, в старом доме – ни души.
Иди на свет, тебя там ждут
От тьмы укроет Калахут”.*

Можно сказать, она была довольна. Конечно, попадались и ворчливые клиенты, и неудачные дни, и в такие моменты Вражка долго сидела у окна, смотрела на лес и старалась не отчаиваться: это хорошее место, где она может остаться надолго, не мотаясь между работами, не тоскуя о давно ушедшем, и не мечтая о великом. Здесь хорошо. Ещё бы не дуло так сильно, но она же ведьма – может, и с ветром сможет договориться?..”

Как-то зимним вечером они с Лидой сидели во Вражьем доме. За окном бушевала вьюга, у Лиды дома бушевали дети, так что женщина решила укрыться от обоих стихий у подруги. Они пили медовуху с травами, грелись у печи, сидя на лавке, и болтали обо всём на свете. Лида попутно вышивала сорочку для Димы, Вражка мяла в ступке травы.

– Спасибо тебе! – щебетала Лида. – Я не знаю, что делать, если Ерин опять разболеется; я просто ну никак не успею и всё по дому делать и этих шалопаев грамоте учить.

– А чего не в школе?

– Так учитель их, господин Людит, поехал к хворающему брату в Подосинки да так и остался там до весны, говорит, что один брат не справится с хозяйством, совсем плох. Поэтому пока сами учим, а весной Людит вернётся и снова туда пойдут, а я хоть выдохну, а то невозможно уже: учатся дома, отдыхают дома, работают дома – шум, гам, а спать когда? А с мужем наедине оставаться?

– Ну, ты иногда можешь их сюда приводить – я присмотрю, – протянула Вражка, втайне надеясь на отказ.

Выдохнула, когда Лида покачала головой:

– Не, куда тебе – под снос дома? Я всё пытаюсь уговорить их бабку присмотреть, да только там довести ещё надо, а это Любки – соседняя деревня. Ух. Ладно. Люблю я их – не могу, так и придушить иногда хочется!

Она большим глотком осушила бутылку с медовухой.

– Враженька, а у тебя ещё есть?

– Есть-есть, – ведьма открыла погреб, зажгла свечу и спустилась в холод и мрак.

Бутылки, оставшиеся от предыдущего хозяина, покоились прямо у лестницы. Вражка протянула парочку наверх, а юркая Лида их тут же перехватила. Ножом откупорила пробки, поставила на пол одну – для подруги.

– Может, хочешь сыра? – предложила Вражка.

– Оооо, да, спасибо! Давай я помогу тебе нарезать?

– Да не надо, я сама.

Пока при свете свечи ведьма возилась с доской и красивой раскладкой еды, героическая мать и жена продолжала болтать:

– А тут давеча – представляешь? – попросились в лес пойти. На охоту! Я им говорю: какая охота, остолопы, вам ещё и декады нет, ну вот Диме весной будет, но это не в счёт, а отец ваш лука в жизни не держал! Вот откуда у вас такая идея, спрашиваю, а они мне, мол, Брович сказал. Ну да, Брович-то конечно, как пинту браги выпьет, так и не такое скажет, ага! Я в их возрасте дома сидела, книжки читала, и не шлялась по всяким лесам и облавам! Держу пари, и ты тихоней была!

Вражка отложила нож. Да, конечно, тихоней: всего-то разрушила темницу и освободила какого-то древнего короля, четь не спалив половину леса, но на охоту не ходила.

Но сказала:

– Ой, да у нас-то даже лесов таких не было! Ну, то есть я много ездила с папкиным караваном, но в лес не сбегала, конечно. В основном обедом занималась.

Лида пошаркала ножкой, поглубже закуталась в шаль.

– А ты тогда тоже колдовала?

– Не, тогда ещё не умела, позже учиться начала.

– Наверное, ты была нарасхват у других детей. Я бы точно в детстве за юной ведьмой хвостиком ходила.

– Да какое там, – отмахнулась Вражка. – я так погрязла в этом всём, что совсем от друзей отстранилась, а они как поняли, что я духов вызывать не умею – так сразу забыли про меня.

Лида кивнула. Запустила пальцы в короткие волосы и зачесала назад.

– Понимаю. Все мои знакомые ворожеи тоже были... в стороне от людей. Даже непонятно, от кого это идёт, кто кого сторонится, но тяжело, наверное. Но хоть польза в вашем волшебстве есть.

– О, конечно, есть! – согласилась Вражка. – Нигде без работы не останусь.

– Но с другой стороны... – подруга икнула. – В сказках вы на метле умели летать.

– Ну, это не сказки. Но я бы хотела летать на метле, хотя сомневаюсь, что это удобно.

Они досидели остаток вечера, непринуждённо болтая о хозяйстве, мужчинах, женщинах, сплетничая о местных, а потом Лида убежала, кутаясь в шрем и пальто. Спьяну она слегка запуталась в непростой конструкции одежды, и Вражка помогла ей и голову в капюшон просунуть, и нос укутать, и накидкой плечи и шею прикрыть. От предложения проводить до дома Лида отказалась, аргументировав тем, что у ведьмы завтра работа, а до Лидино дома тут два шага (что было правдой).

Проводив подругу и пробормотав над ней пару заговоров, Вражка умылась, допила остатки медовухи и легла в постель. Огонь в печи полыхал вовсю, и ведьма смотрела прямо в пламя, стараясь разглядеть какой-нибудь знак или предсказание.

И перед тем, как сомкнуть глаза, окончательно погружаясь в сон, ей показалось, что в языках пламени мелькнул силуэт собаки.

Утро выдалось морозным и солнечным. Толстые снегири восседали на заборе ведьмино дома, явно ожидая подачки, жители Прибоя ехали на санях к окраине леса собирать хворост, детишки резвились и лепили снеговиков, а затем устроили “княжеское побоище”, но вместо пращей использовали снежки.

Вражка улыбнулась чудесному дню. Она страшно любила солнце.

Умывшись и одевшись, быстро позавтракала яичницей и хлебом, заплела косу, надела амулеты и, утеплившись, пошла на вызов. За ночь снега привалило, так что идти по дороге было сложнее, чем обычно, но всё же через четверть часа ведьма была у нужного дома.

Дом принадлежал старухе Жаге, шумной и алчной тороговке пушниной, которая всю свою семью впрягла в семейное дело и каждый день отправляла на охоту на потенциальный товар. Вражка встречалась с ней только один раз мельком, в таверне, на общем собрании.

Она позвонила в колокольчик. Залаяла собака, но ответа не было. Тогда ведьма аккуратно открыла калитку, убедилась, что пёс привязан и прошмыгнула к входной двери. Постучала. Нет ответа.

Недовольно хмыкнув, Вражка толкнула дверь и чуть не упала внутрь прихожей, но кое-как устояла. Ей открылся вид на целый склад меха: он лежал на мебели, висел на стенах, покоился на полу... Казалось, весь дом был просто гигантским пушистым зверем. Внезапно одна шкурка отделилась от стены и пошла прямо на гостью. Визгнув, Вражка тут же отругала себя: это всего лишь кот! Пушистый серый кот, который начал доверчиво тереться о ноги.

Вражка погладила животное, крикнула:

– Госпожа Жага! Вы дома?

Из глубин мехового княжества что-то неразборчиво ответили и Вражка пошла туда, ласково отодвинув кота с пути. Единственное, что не было обито шкурками – двери, и за одной такой как раз сидела пожилая женщина. Она устроилась на кресле-качалке, вся в мехах, качалась туда-сюда и буравила маленькими глазами гостью.

– Аааааа, свежая кровь, – прошепелявила она.

– Горит Маяк!

– Да и пусть себе горит... Ты же ведьма, да?

– Да. Вас что-то беспокоит?

– Ну конечно, раз ты тут! У меня живот болит третий день, ужас. Из уборной не вылезала сутки, вот сейчас просто сижу и мучаюсь.

Вражка поставила сумку на пушистый стол и начала доставать склянки и пробирки.

– Что принимали?

– Чай зелёный и отвар из ромашки.

Покачивая головой, Вражка протянула женщине мешочек:

– Тут тысячелистник, аир и фенхель. Заваривайте его, дайте настояться и принимайте три раза в день.

Торговка схватила мешочек, понюхала и убрала куда-то в закрома. Почмокала губами, что-то промышчала себе под нос, затем рявкнула:

– А заговор? Все же знаю, что трава без заговора всё равно, что твой чай!

Вражка натянуто улыбнулась, скрывая раздражение: как часто ей приходилось сталкиваться с этим предубеждением! Нашептываниям и пассам люди верили больше, чем вековой практике травников.

Но клиент всегда прав, даже если хочет быть обманут, так что ведьма достала пучок трав, подожгла его, обошла вокруг торговли три раза, пробормотала “пусть здоровье в это тело вольётся, а боль покинет! Пусть Свет этой женщины засияет сызовна!”

Затем, глядя на посветлевшие лицо больной, начала собираться, попутно гадая, сколько ей заплатят. Торговка тоже гадала, доставая из кошель монеты, думая и убирая их обратно.

– Так, милочка. Двух монет хватит?

Ведьма нахмурилась.

– Двух...

– Две монеты и ценный совет.

– Может, три монеты, а совет по дружбе? – пошутила Вражка, но наткнулась в ответ на такое кислое лицо, что тут же стушевалась.

Жага глядела на гостью с убийственным прищуром.

– Две, и я позову тебя в следующий раз!

Торговалась она так, будто в деревне большой выбор ворожей. Но что же делать – пришлось соглашаться на цену. Жага, торопясь, чтоб ведьма не передумала, вручила ей плату.

– Вот, хорошо, что теперь ты тут у нас появилась, – разоткровенничалась она, выстроив двухмонетный мостик отношений. – А то предыдущий колдун отвратительный был! Да, отвратительный! Только и делал, что важничал и говорил, что надо делать, что не надо, и заклинаний никаких не знал, тоже мне, волшебник, тфу! – она понарошку сплюнула на пол. – Ненавижу, когда мне говорят, что делать, а что не делать! Вот ты своё дело знаешь, травы даёшь, ворожишь и всё! Я уже словно и не болела вовсе, живот не пучит, вот как колдовать надо, вот это я понимаю.

Вражке не очень было интересно слушать рассказы старой торговки, не ушла она только из вежливости и ждала момента, когда можно будет сослаться на “кучу других важных дел”. Да и место ужасно коробило – будто её съел волк, вывернутый наизнанку.

– Должно быть, вы очень обрадовались, когда он уехал, – вяло сказала она.

Густые брови тороговки поползли вверх.

– Уехал? Да как ж он... а, ну да. Уехал. Ну ладно, гуляй, я тебя, если что ещё позову.

Она откинулась на спинку кресла, показывая, что разговор окончен. Но Вражка настоялась:

– Подождите, пожалуйста. Вы не помните, что он уехал?

– Нет! Не помню!

– Но как так, у вас же не очень большая деревня...

Торговка наклонилась вперёд, привстала и рывкнула, сверкая чёрными глазами:

– Сказала тебе – не помню! Запуталась! Я что, всё про всех знать обязана?! А теперь кыш отсюда, пока я на тебе градоуправляющей не нажаловалась, что ты мне после работы над ухом жужжишь, как муха навозная!

Вражка выскочила из дома, бегло попрощавшись, спотыкаясь и путаясь в мехах. Только обернулась на кота, замерла, но затем захлопнула дверь. Разговор, как и сама Жага, ей совершенно не понравился.

Пообедать она зашла в единственную на всю деревню таверну под названием “Морская пчела”. Взяла себе рагу из баранины и картошки, пунш со специями и булочку с ежевичным вареньем. Села у окна, наблюдая за деревенской жизнью и наслаждаясь тишиной да треском огня. Сейчас таверна почти пустовала, а вот вечером все работяги придут, будут пировать, петь песни и играть в карты. Ставкой тут была покоцанная гитара и коза: день ото дня, кон за коном, они меняли хозяев, а поскольку никто не хотел лишний раз тащить к себе выигрыш и возвращать на следующий день, то заветные призы обитали в таверне. Коза бродила между столами, а гитара висела на стене.

Трактирщик, усатый мужик по имени Шмырк (или это была кличка, Вражка так и не поняла) разговаривал только под градусом, в остальное время он возился за самогонным аппа-

ратом, изобретая всё новые и новые способы варки. Он был уверен, что деревня достигнет процветая именно благодаря его оригинальной и неповторимой браге.

Остальное население Прибоя закупалось выпивкой в соседних деревнях.

За сытной едой Вражка решила не очень-то волноваться насчёт слов какой-то безумной бабки. Она много раз говорила с Лидой насчёт предыдущего колдуна, да и с остальными жителями Прибоя перебрасывалась несколькими фразами на эту тему, но все ей говорили одно: неплохой был мужик, жаль, что уехал, но ты, Вражка, конечно, лучше, оставайся!

Она помыла за собой посуду (за это Шмырк делал небольшую скидку и награждал героя одобрительным кивком) и вышла в зиму. Мороз тут же коварно защищал кожу, так что пришлось закутаться в шрем по самые уши.

Побрела сквозь деревню к стойлу, а там отвязала сонного Персока.

– Давай, малыш, мне нужны дрова и шишки, – сказала она оленю.

Зверь не ценил нужды хозяйки и недовольно фырчал. Вражка решила ехать без седла – совсем же недалеко. Влезла на спину верного скакуна, и он черепашьям шагом побрёл в нужную сторону.

Поле между Прибоем и лесом казалось бесконечным: девственно-чистое, ослепительно-белое. По такому, наверное, так и хочется пуститься галопом, если твой олень не такой толстый и ленивый увалень как Персок! Вражка пришпорила скакуна. Скакун недовольно заворчал.

– Ну что мне с тобой делать, скажи на милость!

Персок не ответил.

Лес поражал своим величием: кроны сосен царапали облака, их длинные стволы слегка покачивались и скрипели, угрожая зашибить неосторожного путника. Тёмные ёлки спали под снежными шапками, скелеты кустарников собирали на себе резвых птичек, а на ветках виднелись алые ленты, указывающие путь к ритуальной поляне.

Было тихо. Это хорошо.

Вражка спрыгнула с оленя, провалившись по колено в снег. Подошла к ближайшим упавшим веткам, начала собирать, связывать и вешать их на спину Персоку. Олень обидирал мох, меланхолично жуя.

Закончив с дровами, Вражка достала нож и срезала несколько еловых веток и шишек. Одну протянула оленю. Зверь с радостью принял угощение.

Ведьма похлопала его по тёплому боку:

– Эх, увалень, только ты у меня остался!

Ноль реакции. Ну и ладно. Вражка привыкла к тому, что все её друзья и любовники приходят в жизнь и уходят, оставив только тёплые воспоминания, но не давая ни шанса на дальнейшее общение. Все эти “я буду писать тебе” заканчивались через полгода. Даже бывший муж Вражки был скорее любовником, чем другом, а это не то, что нужно для долгих отношений на расстоянии.

Когда-то она очень переживала по этому поводу, но потом просто перестала верить в “книжную” дружбу и приняла её такой, какая есть: выпить, посплетничать, расстаться навсегда.

Раньше она винила в этом Грана, но потом поняла, что бесполезно: он всего лишь дал ей первый урок, показал пример, как оно всё будет потом, а она сама виновата, что продолжила ходить по тем же граблям.

Ну как “по тем же”... Больше ни один друг с ней такую аферу не проворачивал.

И вместе с этим Гран сделал ужасную, отвратительную вещь: он подарил тоску по несбыточному волшебству, которую нельзя было заглушить ни любовью, ни дружбой, ни выпивкой.

Но она пыталась, каждый день пыталась как-то наладить свою жизнь, и всё же в свои тридцать зим (три декады, подумать только!) Вражка признавала, что одна на краю мира: ни семьи, ни друзей. Мама с папой далеко, муж с другой.... Ну ничего, зато Персок вот, рядом.

Забравшись оленю на спину, ведьма цокнула языком, отдавая команду двигаться вперёд. Пока шли, оглядывала лес: тихий, спящий. Внезапно на стволе дерева мелькнуло что-то знакомое.

Снова спрыгнула в снег, подошла к сосне. Руна! Защитная! Должна огородить деревню от злых намерений.

Ведьма улыбнулась такому привету от коллеги. Достала один из своих амулетов и повязала на веточке орешника рядом.

Пусть будет.

Спустя три дня, под вечер, Лида постучалась во Вражину дверь. Вокруг носились Дима и Горн, валялись в снегу, кидались снежками и бесновались. Лида на детей рычала, попутно пытаясь дозваться подругу.

Ведьма высунулась в форточку.

– Что такое, Лид? Болит чего-то?

Дети повисли на калитке. Забор пошатнулся.

– Да нет уж, минуло! Там просто небольшой пир в честь того, что Ашатон вернулся.

– А кто такой Ашатон?

– Муж Мэрлы! Я же тебе говорила!

Вражка не так хорошо помнила все родственные, дружественные и любовные связи деревни, как того бы хотелось Лиде, но старательно притворялась.

– А... точно! Хорошо! Это сейчас?

Дети хором завывали, срываясь на ультразвук.

– А НУ ЗАХЛОПНУЛИСЬ, А ТО ДОМА СИДЕТЬ БУДЕТЕ! – взревела Лида. – Да, солнышко, сейчас, в “Морской Пчеле”. Тебя тут подождать или там?

– Вы идите, я ещё переодеться должна.

– Ну хорошо! Пойдёмте, мальчики. Если не будете шалить – я куплю вам по малиновой слойке.

Дети снова взвыли, но на этот раз тихо и радостно.

Захлопнув форточку, Вражка задумалась. На самом деле этим вечером ей не особо хотелось выходить из дома, но пропустить знакомство с мужем градоуправляющей она не могла – это бы плохо сказалось на её карьере и репутации.

Поэтому с тяжёлым вздохом школьника, которого всё-таки отправили на занятия, Вражка начала собираться. Она-то думала, что все похождения за день уже закончились и надела домашнее платье, но жизнь перетасовала планы, так что пришлось искать себе подходящую одежду. Оглядев скудный гардероб, выбрала зелёную юбку с льняным кружевом, приталенную рубашку пшеничного цвета, кожаный широкий пояс на шнуровке, шаль и неизменную сумку. Волосы расчесала и собрала передние пряди на затылок, скрепив их резной заколкой. Посмотрелась в маленькое зеркало, висевшее над раковиной и, оставшись довольна результатом, накинула пальто, шлем, натянула сапожки и отправилась в ночь.

Тут же пожалела, что не выбрала штаны: мороз немилосердно кусался и пришлось ускорить шаг. Снег скрипел под подошвой, домики уютно манили тёплыми рыжими окнами, ветер грозил разбушеваться, но пока что сдерживал себя. Шум волн убаюкивал деревню.

Прячась в шлеме, Вражка добежала до “Морской пчелы”. Таверна гудела, словно улей: радостные крики, весёлые песни, громкий топот. Ведьма навалилась плечом на тяжелую дверь и прошмыгнула внутрь, радуясь теплу. Скинула верхнюю одежду, повесила на крючок, пристроилась в углу, начала наблюдать.

И правда праздник: люди сидели за столами, смеялись, веселились. Кто-то играл на гитаре, Шмырк с поразительной скоростью выставлял напитки на стойку, а их так же быстро перехватывали гуляющие.

В центре всего находилась градоуправляющая и незнакомый Вражке мужчина: высокий, худощавый, волосы седеющие, включенные, под стать тонкой бородке. У него был длинный нос, острые скулы и какой-то недобрый прищур, словно каждого пьющего он подозревал в страшном злодеянии. Капюшон его кожаного шрема был скинут, поэтому отчетливо виднелась нетрезвая красноватость лица.

Вражка заключила, что это и есть Ашатон.

Мужчина как мужчина, сотни таких. Но всё же она должна была с ним поздороваться.

Помахала рукой Мэрне, привлекая к себе внимание

Градоуправляющая подозвала к себе и, когда Вражка, прокладывая себе путь через тела и нагло перешагнув через кого-то, приблизилась, представила:

– Дорогой, смотри! Это новая ведьма, вместо Божира, её Вражка зовут! Она у нас с конца осени, люди её хвалят!

Ашатон сдержанно улыбнулся и протянул руку. Ведьма пожала его сухую ладонь.

– Горит Маяк! Очень приятно вас увидеть, – поздоровалась она.

– Горит Маяк, – голос у него тоже был сухим. – Взаимно. Как вам в Прибое?

– О, прекрасно, благодарю! Работы, конечно, много, но я только рада ей заниматься.

– Больше просят о здоровье или о ворожбе?

Вражка рассмеялась:

– О здоровье, зима ведь! Кто кашляет, кто чихает. Но я всё равно колдую для... профилактики, так сказать.

Ашатон кивнул. Затем посмотрел ей прямо в глаза, широко улыбнулся.

Отчего-то Вражке это не понравилось, но она всё равно не сменила свой лёгкий тон, продолжая щебетать:

– Вообще я очень вам благодарна за такую возможность, тут меня очень быстро приняли. И домик замечательный, и сама деревня! Я уверена, что потом у меня будет больше шансов проявить больше волшебства, чем лекарства, но я и так довольна, жаловаться не на что.

– О, не сомневаюсь в этом, – ответил мужчина. – Скоро же праздник Мёртвой Метели, может там вам удастся проявить таланты.

Каждый год во время этого праздника Вражка гадала на костях, потом накладывала чары на просивших, а затем исполняла традиционный танец ведьм и колдунов, призывающих тепло и скорую весну. Ей стало приятно, что даже в далёком Прибое не забывают о традициях.

– Конечно! Я каждый год это делаю, спасибо вам большое! А теперь я, наверное, отойду, попробую новый рецепт Шмырка. Спасибо вам за разговор. Благодарю, Мэрна.

– И вам спасибо, Вражка, – сказал Ашатон и отвернулся, а градоуправляющая обняла его за шею, попутно помахав ведьме на прощание.

Продвигаясь к стойке, Вражка думала, что всё прошло не так уж плохо. По крайней мере, впечатление она произвела хорошее.

Лида куда-то подевалась, но рядом с трактирщиком толкалось немало Вражкиных приятелей, так что она нашла, с кем перекинуться парой слов. Особенно горел желанием общаться мальчик-подросток по имени Душан. Он нежно прижимал к себе баклаху с пряным сидром и рассказывал всем вокруг неинтересную историю о его первой рыбалке. Присмотрев ведьму, примостился рядом, помогая ей взять горячую кружку с медовухой (она справлялась и сама, но позволила мальчику подсобить):

– Хочешь, расскажу про свою рыбалку? – выпалил он.

– Но я слышала уже, Душан. Ты только что пересказывал её Мёде.

– А... – он слегка надулся. – Вот рассказы Ашатона все слушать хотят, а как я про карася говорю – так разбегаются. А он, между прочим, был большой! И тяжёлый! Мама столько ухи наварила!

– Верю-верю... Ну, если хочешь, я тебя ещё раз послушаю, про карася.

– Уже не хочу!

Вражка выпила немного.

– Ну ладно. А я давно хотела спросить – а как вы улов поднимаете? По лестнице, наверное, его страшно неудобно тащить.

Душан задрал нос и, с видом бывалого моряка, начал объяснять:

– Ну что ты, что ты! Никто не потащит столько на спине, там рядом есть лебёдка, видела? Вот к ней прикреплена такая доска... В общем, это подъемник. Поэтому после рыбалки надо положить весь улов туда, а потом уже сверху поднять. На самом деле самая утомительная часть плавания, это не плавание, а именно это проклятая лестница. Я бы всё отдал, чтобы и для людей вот такой вот подъемник изобрели! А так на нём только детей можно катать, обидно. Думаю, по-настоящему развитым это место станет только с пологой лестницей к морю! Тогда и ездить к нам начнут, и градоуправляющая успокоится.

– А она сильно волнуется?

– О, ещё как! Всё время изобретает что-то не в смысле вещей, а в смысле идей. Думает, что вот если мы тут музей поставим, то всем сразу же захочется ехать в такую даль! Или если Добронрав забор починит, то дела деревни сразу наладятся! Ну да! Конечно!

Вражка покачала головой, жестом попросила Шмырка подлить ещё. В дальнем углу трактира двое мужчин затеяли громкий спор, жалобно проблеяла коза. Музыкант, устав играть, передал гитару рыжей девушке, и она затянула балладу о подвигах Нийссе. Половина собравшегося народу принялась подпевать, а один пёс – подвывать.

– Я вообще не очень понимаю, зачем это всё, – продолжал Душан. – Они всё говорят про фабрику, но зачем нам она, а? Мы и так не голодаем, ничего, кому хочется кутерьмы – пусть в город едет.

Ведьма не особо хотела обсуждать тонкости внутренней политики: мало ли, скажет, что не то, а потом оправдывайся перед начальством. Но в душе она была полностью согласна с парнишкой. И всё же постаралась перевести тему:

– Слушай, а что ты говорил про рассказы Ашатона? А то я опоздала и ничего не слышала.

Душан фыркнул, оглядел пустую кружку и умоляюще взглянул на собеседницу. Пришлось заказать и ему сидра.

– Ну что-то, – сказал Душан. – Так-то интересно, конечно. Он ехал только до города Фиалок и Сиалий, договариваться о поставках и продаже сушеной воблы, а там всё спокойно: Маяк светит, люди живут. Правда гореть начало всё.

– В смысле гореть?

– Ну, как лесные пожары. Только зимой.

– Странно.

– Да, вот и там так считают. Горят сады, дома, а иногда... – он понизил голос. – И люди. Их просто находят сожженными, и всё.

Вражка поёжилась. Картина в её голове была не самая красочная.

– Странно, я приехала оттуда, но ничего такого не слышала.

– Говорят, что это началось после Жатвы. Ну, не знаю. Никогда не слышал, чтобы баши что-то поджигали. Может, просто псих какой-то. Не знаю.

Ведьме вспомнился её старый (не)друг и все разговоры: говорил ли Гран что-то про огонь? Вроде нет. Да и в прошлую Жатву ничего такого не наблюдалось. Должно быть, просто совпадение.

– Ну и там хотят запустить корабль, который работает на пару, представляешь? – продолжал парень.

– Да, я слышала, что его хотят построить. Пароход, вроде бы.

– Ага. Было бы круто. Это сколько трески на таком можно наловить!

– Мне кажется, что столько же, как и на обычном корабле...

– Ну да, наверное. Но зато доплыть до места можно быстрее!

– Это верно.

Они ещё немного поговорили ни о чём (хотя в основном о рыбе и дирижаблях), а потом Душана позвали домой. Его мама накричала прямо с порога на беднягу, отчего тот покраснел и побрёл прочь, жалобно оглядываясь. Вражка могла ему только посочувствовать и тихонько порадоваться, что она уже давно взрослая и её мама не загоняет домой.

Когда часы показали полночь, она начала собираться. Гуляющие тоже подустали: танцы кончились совсем, пение стало тихим и всё чаще и чаще люди забивались в углы и зевали там во весь рот.

Надев пальто и шлем, Вражка обернулась, чтоб попрощаться, но наткнулась на пристальный взгляд Ашатона. Мужчина тут же переключил внимание, но Вражка успела ухватить выражение его глаз, и оно ей совсем не понравилось.

И это был не взгляд мужчины, которому она бы полюбилась в качестве спутницы на ночь. Это был холодный, волчий взгляд, от которого ты бежишь через лес посреди зимы.

И Вражка поспешила убежать тоже.

Глава четвертая

Бочки и пепелище

Анжей

Он встал раньше сестры, но позже солнца. Обычно просыпался с петухами, но сегодня позволил себе изменить старым привычкам. Анжей выпустил на прогулку собак, зашёл в амбар, покормил ту немногочисленную живность, которая там обитала, погладил Бузину, корову по имени Пятнышко, куриц, а вот петуха гладить не стал – тот имел ужасную привычку делать вид, что всем доволен и счастлив, а потом клеваться.

Затем проверил теплицы: не повредился ли фасад, сохранилась ли температура? Но всё было хорошо, зелень тихо и мирно росла в маленьком искусственном мирке.

Не в первый раз Анжею в голову пришло сравнение с островом Цветов: такое же вечное лето и хрупкость обитателей.

Критично оглядел подпорку под помидоры, покрепче обвязал марлей стебель, убрал пожелтевший листик, затем вышел во двор, набрал воды в колодце, подозвал собак и вернулся в дом.

– Ну что же, на ферме всё в порядке, можно и нам позавтракать! – сообщил им, получив в ответ радостное виляние хвостами.

Пока закипал кофе, успел положить корм всем хвостатым обитателям дома, пересекнув попытки Кабачка добраться до чужой миски, проверил самочувствие вороны и вернулся к плите аккурат тогда, когда в турке начали появляться первые пузыри. Вылил себе половину, добавил молока, вторую часть напитка оставил для Анны. После первого глотка почувствовал достаточно сил, чтобы взяться за завтрак.

Надев передник, Анжей достал все нужные ингредиенты: молоко, яйца, помидоры, хлеб. Сорвал с подоконника веточку розмарина, добавил в будущий омлет и поставил запекаться под крышкой на плиту, а пока сел у окна, продолжил пить кофе и наблюдать за лесом.

Все многочисленные хлопоты по дому успокаивали – ему нравилось ощущение того, что он делает что-то важное, когда готовит или убирается. Нравилось, каким чистым становился его дом. Нравилось, какими счастливыми становились его обитатели после сытного обеда.

И ему невероятно нравилось вот так сидеть, пить кофе и наблюдать за безмолвным лесом, когда из-за деревьев выходят дикие олени, бежит по своим делам осенняя лиса, размеренно покачиваются ели, и медленно-медленно с неба падает снег.

Он встал, выключил плиту, положил половину омлета на тарелку, вторую оставил под крышкой. Шикнул на собак, глядящих на него с мольбой, но спустя минуту всё же дал каждой по кусочку.

Поев, подкинул дров в печку, поставил греться чайник и снова сел, дожидаясь, когда проснётся сестра.

Лучше всего он умел ждать, но никогда не жил ожиданием. Он прожил в мире вечного лета достаточного долго, чтобы научиться скучать по зиме, но не пропускать тепло, стремясь увидеть снег. Он старался наслаждаться каждым мгновением.

Часто, правда, тосковал, что не с кем эти мгновения разделить.

Анжей натянул на себя свитер, полулёг на стол, наблюдая за тем, как в облаках появляются голубые заплатки чистых небес.

На острове Цветов очень редко были вот такие пузатые сизые облака, чаще всего там сиял васильковый небосклон, ну, либо чёрные грозовые тучи. Или то, или то.

И обитали острова жили по правилу “либо так, либо так”. Разозлить их было проще простого, как и обрадовать, и Анжею столько раз угрожали, что он совсем разучился их бояться, но научился очень вежливо и мягко разговаривать и извиняться. Это не очень помогало, самый действенный способ избавиться от угрозы был всегда один – позвать Грана.

Улыбнувшись собственным воспоминаниям, он услышал характерный звук: как радостно собачий хвост бьется о пол, а потом уже – шаги сестры.

Анна появилась на кухне, зевая во все горло и поправляя пижаму. Черные жесткие волосы свились в воронье гнездо, кожа цвета кофе с молоком казалась ещё темнее на фоне белой ночнушки. Анжею всегда казалось страшно милым, что на щеках сестры круглый год красовались веснушки: в детстве она ему говорила, что это следы от поцелуев огненных духов, а он, как всегда, безоговорочно верил. Став старше, конечно, понял, что про веснушки она наврала, но зато убедился, что от огня ей достался характер: взрывной, яркий, способный как обжечь, так и согреть.

Сейчас пламя её изволило дремать.

– Анжей, ты прямо с утра такой продуктивный, что мне каждый раз ужасно стыдно.

– Это неправда, – улыбнулся он.

– Конечно, неправда. Ещё чего, в такую рань вставать, если у меня есть брат, который сделает всё за меня!

С этими словами она побежала умываться.

Анжей достал тарелку, положил в неё омлет, налил кофе в чашку и разогрел на сковороде вчерашнюю булочку. Поставил всё на стол, осмотрел композицию, остался доволен результатом.

Сестра вернулась уже в дорожной одежде: тёплые штаны, широкая белая рубаша, высокие меховые сапоги. Кудри она забрала в высокий хвост, чтоб не мешались за завтраком. Несколько косичек вольно свисали по бокам.

– Омлет! Ура, мой любимый! – воскликнула она, усаживаясь за стол. – Когда мы плыли с острова, один кретин уронил ящик с яйцами, и омлета я не видела целую вечность.

– Ну что ж, за зиму у тебя есть все шансы наестся ими так, что смотреть не сможешь.

– Не угрожай мне, я ж подумаю, что это вызов! А ты уже поел?

– Да, давно.

Овечка покачала головой, недоумевая откуда у брата такая вредная привычка: вставать по утрам и что-то делать. Она прикончила омлет за минуту, умяв и булочку, а вот кофе пила медленно, с чувством.

– Я думаю сварить кофе на ели, – сказал Анжей.

– Звучит... странно. Но я за.

– Значит попробую, как вернёмся. Главное, нарвать веточек по дороге.

– Так да, поехали уже, а то по темноте плестись будем! Бузина нас на спине увезёт или лучше на саних?

Анжей задумался на несколько секунд, взвешивая все за и против, а потом ответил:

– Возьмем сани. Мало ли, что купим, или решим дров набрать.

– Отлично! – Анна встала, собирая посуду. – Ты тогда иди запрягай, а я помою тарелки.

Снарядить Бузину в поездку было несложно – олениха была спокойной, покладистой и все махинации с собой воспринимала стоически. Собаки было возбудились от предвкушения прогулки, но быстро утихли под строгим голосом хозяина. Яблочко легла на землю, прижимая уши, а вот Блинчик недовольно заурчал и отвернулся.

– Спокойно, дружок, – сказал ему Анжей. – Поедешь в саних, если что.

Он знал, что всё расстояние до деревни Блинчик пробежать не мог из-за хромой лапы. Когда-то давно его лягнул олень и пса вышвырнули на улицу, а Анжей его подобрал, долго лечил, но так до конца и не смог исправить недуг.

Впрочем, Блинчик на судьбу не жаловался и в забеге на короткие дистанции ничем не уступал своей здоровой хвостатой подруге.

Повозка была готова, финальным аккордом на рога Бузины были повешены колокольчики, а олениха вознаграждена за терпение яблоком и ласковым хлопком по шее. Анжей вывел её из стойла, запер ворота, укутался в шлем, надел варежки и крикнул:

– Анна, мы готовы!

Сестра выскочила из дома, заперла дверь.

– Проверь, чтоб дверца для зверей не захлопнулась, – попросил Анжей.

Анна встала на колени, толкнула туда-сюда маленькую дощечку, открывающую небольшой лаз.

– Не боишься, что тебя так ограбят? Сюда я бы пролезла.

– Чего там грабить? Разве что Кабачка утащат, да и то я уверен, что этот котяра любого грабителя одной лапой завалит.

– Что правда, то правда, – кивнула сестра, забираясь в сани. – Он тяжелый у тебя очень. Ты бы его на диету посадил.

Щёлкнув поводьями, Анжей направил сани к дороге. Снега за ночь навалило по колено, поэтому Бузина двигалась медленно, но шаг за шагом ускорялась.

– Посадил как-то. Он начал цыплят душить в отместку. Нет уж, пусть будет лучше толстым, а в курятник не лезет.

Распогодилось, и лазурное небо засияло над дорогой. Белоснежный лес выстроился стеной, пели птицы. Анна болтала, рассказывала о лете, Анжей слушал и подгонял Бузину. Собаки носились кругами, а, устав, запрыгнули в сани, демонстративно зевая.

– Говорят, там на берегах Доврича жили совы. Да, их там было так много, что людям пришлось уйти, – сказала Анна.

– Они были агрессивными?

– Ну, не то, чтобы, но ты знаешь, как это бывает: посмотрят на людей и всё – пиши-пропало. Они своим взглядом так чуть ли не всю деревню увели. А потом девались куда-то. Жители Доврича об этом умалчивают, но я видела огромные перья в некоторых домах....

– Да ну! Даже баши не могли сов победить.

– Ну, выходи из дома раз в декаду – ты и куропатки не застрелишь.

Анжей на упрёк не ответил – как раз заметил на горизонте первые дома. Он любил деревню, хотя и появлялся в ней редко, и знал, что жители деревни ему благоволят. Отстранённо, конечно. Перешептывались, не юродивый ли, случаем, тот мужик с фермы? Нет? Ну ладно. Всё равно странный, но хороший, кажется. Иногда думал, что стоило бы почаще приезжать, чтобы завести друзей, но как-то не складывалось.

– Ну, какой план? – спросила Анна, скидывая капюшон.

– Уши замёрзнут, – предупредил её Анжей.

– Не замёрзнут, мы сейчас в тёплое место заедем, в таверну, например, всё равно вся жизнь и информация там, в том числе и о вакансиях.

– Ну вот тебе и план.

Он направил сани в сторону местной таверны под названием “Дубовый лист”. По дороге с ними здоровались местные жители, а брат с сестрой приветствовали их в ответ. Какой-то мальчишка выскочил прямо под копыта Бузины и гневного крика Анны испугался больше, чем риска быть раздавленным.

– Ты что, припадочный?! Как можно не заметить целого оленя?! – кричала Анна, а мальчик пятился, бледнел и бормотал слова извинения.

Анна фыркнула и тут же заулыбалась, увидев нужный дом. Дёрнула брата за рукав:

– Смотри, вон “Дубовый лист”!

– Я знаю, Анна. Я тут всю жизнь живу.

– А, точно.

– Зачем ты накричала на бедного мальчика?

– Слушай, ну, если ему так надоело жить – пускай встречается со смертью не с нашей помощью.

Анжей подвёл сани к самому входу таверны, накинул поводья на столб, приказал собакам ждать и вошёл вместе с сестрой внутрь “Листа”.

Помещение было довольно тёмным – его построили давно, когда окна ещё делали слишком маленькими, дабы сохранить тепло. На стенах висели картины, изображающие сказочные сюжеты, брёвна в стенах потрескались, с потолка свисали пучки трав, которые хозяйка добавляла в стряпню. В углу сидели трое мужчин, играли в нарды. Хозяйка по имени Хлома подметала пол. Услышав посетителей, она резко подняла голову и лицо её озарилось простодушной улыбкой. Она всегда казалась Анжею очень приятной и родной, эдакой доброй четвероюродной тётушкой: широкое лицо, серые добрые глаза, дородная фигура, румяные щёки и постоянное тепло в голосе.

– Лапушка мой, – сказала она, обращаясь к Анжею, – нужто зашел! Ну наконец-то, а то всё сидишь там у себя как сыч и не видно-не слышно. А это кто? Ах! Неужели наша Чёрная Овечка вернулась! Иди сюда, милая, дай я тебя обниму!

Хлома кинулась выполнять свои любвеобильные угрозы. Пока Анна вежливо отвечала на бесконечные вопросы о своём житие-бытие, Анжей хотел было спросить про работу, как вдруг один из мужчин за столиком повернулся и громко сказал:

– Ба! Да это же Анжей! Что, конопатый, пришёл закладывать мамкины украшения?

Прикрыв глаза, Анжей медленно-медленно вдохнул.

Повернулся к говорившему.

Мужчина шёл к нему, неприятно ухмыляясь. Небритый подбородок, бегающие глаза, грязная рубаха и широченная улыбка – ничего из этого не прибавляло ему очарования. Он подошёл, закинул руку Анжею на плечо, но тот отпрянул, жестом попросив не делать так больше.

– Эй! – подала голос Анна. – Что ты творишь?

– Оооо, нет, это я бы хотел узнать, что этот рыжий творит. Где наш дом?

– Это *наш* дом. Мой и Аннин, – тихо ответил ему Анжей.

– Ух, да ну, что то-то твоя мама с нами не о том говорила.

Голос сестры был оглушительным. Она вышла вперёд, уперев руки в бока, вздёрнула подбородок и заглянула коллектору прямо в глаза, хотя и была ниже на целую голову.

– Послушай-ка сюда! Все долги мы отдадим, но сейчас отвали от нас! Ты ничем не можешь, если будешь тут стоять и угрожать, ни денег не получишь, ни дома, ничего! Только нарвёшься, и всё.

Мужчина осклабился:

– На кого нарвусь, на тебя?

Овечка сделала шаг вперёд.

– Да, на меня. И тебе не понравится! Ты знаешь...

– Так! – хозяйка трактира ударила метлой, привлекая внимание. – А ну-ка прекратить! Ещё мне не хватало тут ссор, хотите драться – деритесь на улице, а тут либо ешьте-пейте, либо тихо идите, понятно?

Мужчина фыркнул, наклонился, прошептал:

– У вас времени до весны! – и, развернувшись, ушёл за игровой стол.

Анжей потянул сестру за локоть, утягивая в другую сторону, к стойке.

– Простите, Хлома, мы не хотели шуметь.

– Ничего, золотце, я понимаю. Понимаю, как вам тяжело сейчас приходится. Мама твоя, и твоя тётка, Овечка, конечно, маху дала, пусть Маяк ей светит вечно, но вот так вот ввязываться в долги...

На эту тему говорить совершенно не хотелось, поэтому виновник торжества перевёл тему:

– Ну да, мы собственно об этом же... Хлома, может, вы знаете, есть ли в городе работа? Для меня и для Анны, – он обернулся на сестру, которая всё ещё метала молнии в игровой угол.

– Не называй меня Анной при других, – проворчала сестра. – Сколько раз тебе это повторять?

– Прости.

– Чего прощать, просто говори по-нормальному.

Протирая тарелки, хозяйка задумалась на секунду, но покачала головой.

– Милый, боюсь, нет, зимой-то какая работа... Вот после Мёртвой Метели уже можно думать, да там уже весна. Это вам в город надо.

– Дак пока до него доедешь.

– Ну да, ну да, – закивала Хлома, с энтузиазмом подтверждая безвыходность ситуации. – Да и тем более такое событие, кто сейчас будет о работе думать, они себе новое развлечение нашли, а их зимой не так-то много, сами знаете.

Тут Анна оживилась. Перегнулась через стойку:

– Чего? Какое событие?

– Ах, ну точно! Вы же не в курсе совсем, чего это я... В общем, – она понизила голос, хотя с такого расстояния игроки их вряд ли бы слышали, – в общем, у нас тут теперь баш!

Сказав это, она победно посмотрела на гостей, с видом “ну что, не ожидали?” и скисла, не заметив бурной реакции.

– Чего?.. – спросила Овечка.

– Ну, баш. Эти люди-духи с острова Цветов, виновники Жатвы. Вы что, ребяташки?

– Да не, мы знаем, кто такие баш! Мы не поняли сути.

– А... – Хлома поставила тарелки и принялась вытирать стойку, рассказывая. – В общем, наведася к нам баш, с клычками такими смешными, как у хорька совсем. Чернявенький. Приходит и говорит – представляете? – говорит: “Ну острова Цветов больше нет, я тут жить буду, в порту! Выделите мне бочку!”. А все сначала не поверили, про них же говорили всё, что страшные как смерть, и Свет могут съесть на раз-два, а этот нет, юноша симпатичный и безобидный. Ну он и поселился в бочке, кажется. Не знаю, говорили, что они страшные, но этот вроде мирный. Рыбу ловит. У нас мужики думали было его побить, да что-то всё не решаются.

Анжей, хмурясь, пилил взглядом стойку и пытался вникнуть в происходящее, раскладывая всё по полочкам. Он никогда не отличался быстротой реакции, но тут потерялся совсем.

Анна тихонько погладила его по плечу, возвращая в реальность.

– А давно он пришёл?

– Ну, пару дней.

– О, здорово! Я хочу с ним поговорить, можно?

– Да кто ж запрещает! Он на пирсе, в бочке. В какой не знаю, но думаю, вы поймете.

– А местные как?

– Ну как-как? Взрослые сторонятся, детишки тянутся. Он сам не очень дружелюбный, мне кажется. Но нам-то что, пусть живёт, лишь бы никого не съел.

Тут в Анжее начала расти тревога, стремительно и бесповоротно стала крутиться, как вихрь где-то у рёбер. Он не мог понять, как так вышло: что значит, что острова больше нет? Как баш поселился среди людей? Это же абсурд какой-то! Может, соврал? Да, баш ещё те лгуны, наверняка соврал, но всё же надо понять, надо узнать...

Но легче это было выяснить у первоисточника. Развернувшись на каблуках, он сухо попрощался с трактирщицей и пошёл прочь так быстро, что Анна еле-еле за ним поспевала. Отвязал Бузину, прыгнул на сани, свистом подозвал собак и поехал к берегу. Анна успела вскочить на подножку.

– Знаешь, ты мог и подождать! Он никуда в своей бочке не укатит!

– Знаю, но я волнуюсь.

Сестра похлопала его по спине.

– Я понимаю, но рано. В смысле, ладно, я не понимаю. Какой-то безумный баш тебя так волнует? Или ты со всеми так крепко подружился?

Дома и прохожие проносились мимо. Желание ударить поводьями было велико, но возница понимал, что это бесполезно и опасно, поэтому сдерживал и себя, и оленя.

– Дружил я с ним или нет – это не важно, если произошла беда.

– Сколько декад жили, причиняя беды другим... – начала было Анна, скрестив руки на груди, но впереди уже показался пролив.

Ветер тут же напомнил о себе, бесчестно сбивая капюшоны и пробираясь под пальто. Бузина недовольно трянула головой, издав перезвон. Собаки прижали уши.

Анжей привстал, осматривая причал. Всего три помостка, ряд лодок, шлюпок и маленьких корабликов, а чуть дальше – рыболовные снасти и бочки. Направил сани туда, слушая, как Анна говорит, указывая на белый кораблик:

– Вот это “Чайка” Шема. Я на ней приплыла.

Они ехали по дороге вдоль рыбаков, отправляющихся в море. Мужчины и женщины с обветренными лицами, зоркими глазами и мозолистыми ладонями, одетые в тюленьи шкуры, защищающие от капель и ветра, перебирали сети, толкали лодки и заматывали удочки.

– Эгей! – крикнула Анна им. – Не видали тут бочку с башем?

Рыбаки переглянулись и дружно указали вдаль.

Проехав ещё минут десять, Анжей и Анна оказались в конце причала и, заодно, деревни: здесь уже начинали возвышаться недружелюбные серые скалы, облепленные водорослями и ракушками. Каменный берег принимал в свои объятия мёртвую утварь: дырявые лодки, скелеты корабликов, сломанные паруса, худые сети и, конечно, бочки. Сани остановились: дорога закончилась, а вода слизывала снег с пляжа.

Мерный шум волн и визгливый чайчий крик – вот и всё, что было живого в этом тупике.

Брат с сестрой переглянулись. Затем Анна спрыгнула с саней, огляделась. Пожала плечами, сложила варежки рупором и крикнула:

– Эгей! Баш в бочке! Ты тут?

Ответа не было. Блинчик и Яблочко гонялись за чайками среди лодок, но больше – ни движения.

Анна попыталась ещё раз:

– Слушай, нам очень надо с тобой поговорить! Мой брат очень волнуется за ваш остров, а времени смотреть в каждую бочку у нас нет!

И снова лишь вой ветра и далёкие крики рыбаков в море. Анжей сжал кулак: неужели не успели? Или ошиблись?

Он смотрел на море, на его мерные волны и глубокую синеву и не понимал, как оно может оставаться таким спокойным в этой ситуации.

Внезапно собаки прекратили свою игру и замерли, уставившись на какую-то тень. А тень не обращала на них никакого внимания, да и уже, выбравшись из-под завалов, не была тенью, а была юношей не старше двух декад отроду.

Небольшой рост, правильные черты лица, раскосые черные глаза... Анжей узнал его сразу, даже вспомнил имя: Орсин. Много с ним не общался, лишь периодически наблюдал за его танцами на поляне да встречал в Дереве-Дворце.

Баш подошёл к ним лёгкой походкой, не без тени улыбки. Одет он был легко: рубаха, бриджи и тканевые ботинки, но, казалось, никакого дискомфорта по этому поводу не испытывал. Это было делом обычным: баша не очень-то были чувствительны к погоде.

Встал в метрах двух и впился взглядом в пришельцев.

Анна присвистнула.

– Да уж!..

Что она этим хотела сказать Анжей не понял. Сделал шаг вперёд. Орсин отступил.

– Маяк горит! Орсин, ты помнишь меня? Меня зовут Анжей, я жил у вас где-то... не знаю, на самом деле, сколько времени прошло. В общем, я жил при короле Гране. Баш-Гране.

– Ааааа... – оскалился баш, блеснув небольшими клыкам. – Щенок Его Величества! Помню твою огненную голову.

Голос у него был с хрипотцой, а улыбка придавала схожести с хорьком. Анжей привык, что баша быстро теряли внешнюю миловидность, стоило им открыть рот или перестать заигрывать с собеседником, а вот Анна от такой перемены поморщилась.

– Подбирай слова! Звучит не очень приятно, – сказала она Орсину.

Поднырнув, словно рептилия, баш приблизился к ним, всё так же улыбаясь. Перевёл угольные зрачки с брата на сестру и спросил:

– Что вам надо? Вам что-то от меня надо? Нет? Тогда я уйду...

– Нет, постой... Скажи, пожалуйста, что случилось с островом Цветов? Почему ты тут? Губы Орсина искривились:

– Он сгорел. Я тут, потому что некуда идти, и я люблю море.

На этой фразе баш развернулся и пошёл обратно на пляж, а Анжей наблюдал за удаляющейся фигурой и пытался понять...

Сгорел?

Как остров Цветов мог сгореть? Он окружен морем, они не разводят огня! А что с башами? А что с Граном?

Он пытался задать все эти вопросы Орсину, но никак не мог начать говорить: всё новые и новые страшные мысли посещали голову и сдавливали горло.

По счастью, Анна была проворнее, в два прыжка она догнала баша и встала прямо перед ним. Юноша зашипел и отшатнулся.

– Э, нет, погоди!

– Я ответил на все ваши вопросы!

– И мы тебе за это благодарны, но не мог бы ты рассказать... м... подробнее?

– Что?

Яблочко и Блинчик подошли к хозяину и сели у его ног. На баша они внимания не обращали. Анжей машинально погладил их, подошел к сестре.

– Пожалуйста, Орсин. Я очень волнуюсь.

Отсупив ещё на шаг, Орсин прорычал, заламывая руки:

– Что ты волнуешься? Зачем ты волнуешься? Зачем волноваться, если уже ничего нет?!
Остров загорелся весь, и всё!

– Но он же огромный! – воскликнул Анжей.

– Вот огромный и загорелся!

Анжей сжал кулаки. Разговаривать с не-людьми, это, конечно, целое искусство. Искусство, которым Анна не владела, а потому начала раздражаться.

– Ты можешь просто и по-человечески сказать, что случилось?

Тут Орсин начал смеяться:

– Не могу! Я же не человек!

– Да чтоб тебя... -выкрикнула сестра, но Анжей успел её прервать, положив руку на макушку.

Прошлая её ссора с башем закончилась не слишком хорошо, и повторения не хотелось.

– Орсин, – начал он как можно мягче и вкрадчивые. – Скажи, пожалуйста, если остров Цветов сгорел, то как ты тут оказался?

– Я сбежал через дверь!

– А остальные?

– А остальные не сбежали. Ну... – он на секунду задумался. – Не все. Кто-то сбежал, кто-то не сбежал.

– А Гран? – голос чуть дрогнул.

– Какой Гран? – поднял брови Орсин.

– Король Ваш, Его Величество Баш-Гран. Я же только что говорил.

– Ааааа, этот! Нет, не сбежал. Он сделал так, что мы могли сбежать и сгорел.

Анжей закрыл глаза. В один миг весь его мир наполнился только шумом волн, а всё остальное перестало существовать, и одна-единственная мысль билась в голове, повторяя сердечный стук.

«Как глупо».

Он почувствовал только, как Анна дёргает его за рукав и обращается к башу:

– Так, а ты *видел*, как он сгорел?

– Что?

– Король!

– Нет! Я же *ушёл*, говорю же! Вы вообще слышите?

– То есть ты сбежал, он остался там и ты, не видя, говоришь, что он сгорел?

– Да!

– Да что ж ты как...

– Но был же огонь!

Анна застонала, возведя очи к небу. Анжей глубоко вздохнул, отогнал страх, змеей бегущий по позвоночнику, выпрямился:

– Орсин! Послушай, это важно. Где остальные башы?

Из тона Орсина можно было выжимать по скляночкам яд:

– Сго-ре-ли.

– Да нет, те, кто выжил.

– А! Не знаю. Ушли.

– Ладно. Тогда послушай: как ты думаешь, мы сможем попасть на остров Цветов?

– Не знаю. Я могу уйти? Вы мне надоели.

– Нет, подожди. А ты можешь показать, где ты вышел оттуда?

– Могу!

– Спаси...

– Но не хочу. Мне и в бочке нравится.

Анна вскрикнула и пнула гнилую доску. Та разломилась напополам, обнажив гнилое нутро.

– Анж, я теперь понимаю, почему у тебя такое терпение! Неужели там каждый вот такой вот? – она указала на Орсина.

– О да, – угрюмо отозвался Анжей, бегло вспоминая свои диалоги с чудесными представителями этого народа.

Практика помогла ему отыскать слова:

– Хорошо, Орсин, я понимаю, почему ты не хочешь. Давай так: ты нас проводишь, а мы тебе что-нибудь за это дадим?

Подобное предложение сразу заинтересовало баша. Он задумчиво прищурился, почесал подбородок, критично осмотрел людей, затем сани и, спустя целую вечность молчания, ткнул пальцем в колокольчики на рогах Бузины.

– Хочу их! Они железные?

– Нет, медные.

– Тогда точно хочу!

– Договорились. Я тебе их отдам, когда покажешь нам место, хорошо?

Баш кивнул и с лёгкостью прыгнул в сани.

– Только давайте быстрее, а то мне с вами неприятно! – заявил он.

Анна устало потёрла лоб.

– Вот и работёнка для нас, Анжей.

– Анна, прости, но...

– Да я всё понимаю, – она пихнул его локтём в бок. – Поехали уже. Кто я такая, чтоб менять путешествие на таинственный остров Цветов на подработку чистильщей рыбы?

Анжей благодарно ей улыбнулся, залез на сани и взмахнул поводьями.

Погода вела себя совершенно нечестно по отношению к Анжею: в то время, как в нём зарождалась тревога и мерно стелилась печаль, приготовив его к будущему (если-ничего-не-получится) трауру – в это время на небе издевательски сияло солнце, а в ветвях радостно пели птицы. А ему хотелось кричать: “Нет, что вы! Это неправильные декорации, нужен буран, нужна гроза, я не знаю, что мне чувствовать, когда вокруг так хорошо, а мне так плохо!”

Анна пыталась отвлечь его разговорами, но отвечать совершенно не хотелось. Любая его попытка ответить оборачивалась очередным “да-да”, и голос Орсина эхом звучал в голове.

“Сгорел”.

“Сгорел”.

“Сгорел”.

Анжей поджимал губы и старался унять дрожь в руках. Больше всего на свете ему хотелось помчаться туда за секунду, открыть дверь и понять, что баш соврал ему, посмеялся, поиздевался. Что-то, а делать пакости они любили.

И всё же понимал, что это не так. Живое тому доказательство сидело в санях и смотрело в небо.

Никто никогда не выпустил бы баша с острова Цветов. Гран никогда бы этого не позволил. Это было *запрещено*.

Орсин не говорил с ними, игнорируя большинство вопросов и фраз, но один-единственный раз ответил Анне:

– Так Жатвы не было потому, что всё сгорело?

– Да.

– Понятно, – ответила она, но развивать тему не стала.

Они ехали на протяжении нескольких часов, минули две деревни, огромное кукурузное поле и снова въехали в лес. Солнцу надело светить, и оно укрылось за горизонтом, оставив

только темноту, звёзды и спутники. Снег искрился, стало холодать, и Анна накинула на себя и на брата одеяла.

– Вот тут! – резко сказал Орсин.

Анжей немедленно остановил сани. Собаки тревожно навестили уши, а возница огляделся: они были посреди нигде, только голый лес да прямая дорога. Подумав, что упускает что-то, посмотрел ещё раз, но так и не смог разглядеть ничего особенного.

– Тут ничего нет! – озвучила Анна его мысли.

– Как нет! Вот же, лес! – возразил баш.

– Лес-то есть, а острова Цветов нет.

– Дура, его тут и не будет! Он за деревом!

– Подбери выражения, а то отрежу уши!

Повернувшись к сопровождающему, Анжей спросил:

– Хорошо. Мы просто не можем увидеть то самое дерево. Ты можешь нам показать?

– Да, но тогда я хочу два колокольчика!

На такую цену они и договорились. По указу баша слезли с саней и пошли в лесную темноту, проваливаясь по колено в сугробы и огибая тонкие берёзовые стволы. Ветер тоскливо завывал в ветвях, синеватое свечение ночи позволяло разглядеть еле заметную тропу, проложенную кем-то давным-давно. Шаг вправо, шаг влево и провалишься по пояс. Анжей то и дело оборачивался на дорогу, чтобы не терять из виду сани и фонарь. Анна достала из-за пазухи кинжал и крепко сжала в ладони.

Когда свет огня стал еле заметен, Орсин остановился.

– Вот!

Он указал на две совершенно неприметные жухлые берёзки, жавшиеся друг к другу кронами, но оставившие достаточно места у основания, чтобы туда мог пролезть человек.

– Там же ничего нет! – сказала сестра, сделав круг почёта вокруг деревьев.

– Есть. Надо пройти между ними и будете на острове Цветов. Если переход ещё работает. Если уже не работает, то не знаю. Может и не работать, потому что...

– Всё сгорело, да-да, мы помним.

Баш обиженно надулся. Анна махнула рукой.

– Ну, тогда покажи нам. А то уйдешь, а мы будем до рассвета туда-сюда ходить как дураки.

Сделав два прыжка, Орсин третьим влетел в проход между деревьями и пропал. Анжей заглянул в проём, обошёл берёзы кругом, робко просунул руку туда, где исчез юноша, но ничего на произошло.

Он запомнил свой переход не так, поэтому факт исчезновения казался ему удивительным.

А вот Анну он просто поражал. Она стояла, открыв рот.

– Ого! – воскликнула она.

Хотела сказать что-то ещё, но тут Орсин снова вывалился на снег так быстро, что никто не заметил, как он это сделал. Выглядел баш неважно: побледневший, осунувшийся и вялый.

– Нет, нет! – сказал он с оттенком страха. – Я больше не хочу это видеть, я уйду. Сами идите, я всё показал.

– Спасибо тебе, Орсин. Можешь забрать два колокольчика.

– Пока-пока! – сказала Анна, не отрываясь от изучения берёз.

Развернувшись, Орсин побрёл сквозь снег обратно к дороге. Двигался он медленнее, чем раньше, и было видно, что ему надо отдохнуть, но всё равно баш упорно шёл к своей смешной награде.

– Что с ним? – спросила Анна.

– Гран говорил, что всегда такие вот переходы истощают человека. Ну или баша. Что-то вроде равновесия.

– То есть нам там будет тоже плохо?

– Ага.

– Хм. Слушай, Анж, а ты уверен, что оно нам надо? Так, ладно, не смотри на меня так, я понимаю, что мы в любом случае пойдём. Просто я не хочу... – она отвела взгляд. – ... чтобы ты разочаровался.

Анжей тоже не хотел. Каждый раз, когда здравый смысл шептал ему слово “сгорел” – страх поднимался в животе.

Но он не мог бросить своего друга в неизвестности, даже если тот когда-то бросил его.

Приказав собакам сидеть и ждать, он протянул сестре руку.

– Анна, мне надо пойти.

– Ну тогда пошли.

Она схватила брата за ладонь, зажмурилась и первой шагнула в проём, а Анжей не закрывал глаз, и белый свет ослепил его.

Глава пятая. Цели и средства.

Михалина

Над вересковой пустошью царила ночь: один спутник сиял ярче любой звезды, а двое других скромно показывались полубоком. Летали мотыльки, сверкали созвездия, ночные насекомые жужжали и танцевали. Прокричала птица, ей ответила другая. Далеко-далеко закричала рысь, долго и протяжно, словно искала кого-то и звала, надеясь до последнего.

Лина сидела у окна, вышивала платок и смотрела в темноту, ожидая прибытия дяди и Алеха. Конечно, они поехали не одни, с ними были ещё люди, но они мало её интересовали, слишком уж она привыкла к тому, что люди приходят и уходят, рождаются и умирают, клянутся в верности и предают, и только дядя оставался рядом всегда. И, как она горячо надеялась, Алех тоже останется насовсем.

При мысли о нём бледные щёки Лины покрылись румянцем. Она ничего не могла поделать с собой, как ни старалась, лишь вновь и вновь возвращалась в своих мыслях к его тёмным глазам, слегка волнистым волосам, ямочкам на щеках, маленькой родинке в уголке глаза... Встряхнув головой, чтобы хоть как-то отогнать нудные мысли, Михалина принялась яростно вышивать, но то ли душная ночь, то ли суeta мыслей упорно мешали, и работа не шла. Она отложила платок, накинула шаль и пошла по лестнице вниз, к выходу. Ступеньки безжалостно скрипели, выдавая её замысел, и на звук выглянул Никита. Он даже специально пригнулся – огромный рост не позволял ему спокойно помещаться в проходе.

Больше всего Никита напоминал Лине медведя. Эдакого шатуна, неоднократно бывавшего в драках.

Она остановилась на предпоследней ступеньке, глянула на него из-под полуопущенных век, ожидая вопроса.

И он спросил:

– Куда вы, госпожа?

– На прогулку, – холодно ответила она, надеясь, что это будет концом диалога.

– Не положено, – покачал головой Никита. – Поздно уже.

– Разве не я решаю, когда мне гулять?

Домашний медведь почесал в затылке.

– Дык если бы вы тут приказывали, порядки бы другие были, зуб даю! А так нет, Княжич Агатош сказал – не пускать.

– А я княжна и говорю – пустить!

Перед Никитой явно встала самая сложная дилемма в жизни: факты и статусы путались в его голове, варианты развития событий (от кого достанется больший нагоняй) пугали. Он стоял, что-то бормоча себе под нос. После нескольких секунд раздумий (Лина была уверена, что это максимальное время для его мыслительного процесса) сказал:

– А вдруг совы?

– Они далеко, я слышала.

– Хохо. Коли слышали, так они в два счёта долетят. Давайте так, княжна, – Никита поднял с пола кувалду. – Вы там перед домиком погуляйте, а я рядом постою, мало ли чего.

Михалина кивнула. Ей не вполне нравился такой вариант, но, как говорил дядя: “хороший правитель обязан знать, как обернуть компромисс в свою пользу”.

Она вышла на улицу и обернулась на то, что Никита назвал домиком. По сути это был огромный полутерем, полуамбар, а точнее, амбар, переделанный под терем, который вмещал всех двухсот человек, что были под их началом.

Двести человек, которые верили в их идею.

Терем-амбар тихо стоял на кромке леса. Люди в нём шумели, смеялись, праздновали и просто жили день ото дня, год за годом, и всё готовились к великому восстанию. Правда, до “великого” им не хватало около тысячи человек, но, как говорил дядя: “это хорошее начало”. И Лина бы ему верила, если бы начало не длилось десять зим.

Хотя нет, она клеветала: всего пять зим назад в дружину начали подтягиваться люди, а до этого был сплошной бег.

Бег – это её первое воспоминание.

Помнила, как сидела на руках у дяди, а он – смелый, отважный, её рыцарь, её герой – брёл сквозь болота и шептал: “не смотри на огни, Михалина, закрой глазки”, и она закрывала один, а вторым смотрела на эти маленькие светящиеся шарики и посмеивалась – до того забавными они казались.

Помнила, как долго жили у какой-то старушки. Бабушка поила Лину козьим молоком и приговаривала: “ну сразу видно, княжеская кровь, глаза-то как изумруды, а стать – ну чистая лань”. Лина была пухлым неуклюжим младенцем, но старушке явно нравилось ей лстить.

Помнила, как дядя обрезал её смоляные волосы и сказал: “мы сейчас пойдём в город. Играй там, будто ты мальчик, хорошо?”. Михалина с радостью игру поддержала, притворилась мальчишкой по имени Лин, да так долго не могла выйти из образа, что дядя разозлился и сказал, что больше никогда они играть не будут.

Её это расстроило, но ненадолго.

Первые покушения она, как ни странно, помнила плохо. Точнее, само покушение попросту стёрлось из памяти, а вот тело, сжимающее кинжал и лежащее в предрассветной дымке, она запомнила очень хорошо, как и дядю, стоявшего над ним с окровавленным мечом.

“Михалина, плохие люди желают тебе зла, – сказал он и дал ей, ребёнку, окровавленный кинжал. – Запомни это, и эту кровь запомни, она первая пролита на твоих глазах, но не первая из-за тебя”.

Михалина приняла это как должное. Держала холодный красный кинжал в слабых руках и понимала всё, что было доступно гибкому разуму ребёнка. После начали приходить первые люди, Лина помнила их очень смутно, лишь клятвы и проклятия на головы “поганных узурпаторов”. Какие-то люди приходили, какие-то уходили, но одно оставалось неизменным: бег. Они всё время бежали, побирались, пользуясь княжеским именем и продавая украшения. Один раз дяде пришлось работать стражником при градоуправляющем какого-то приморского городка. но что-то не сложилось и пришлось снова бежать.

До полный декады Михалины они жили то там, то тут: в подвалах, на чердаках, у знакомых, у друзей, у каких-то повстанцев и каких-то бродяг, в лесу, на побережье, в городах, деревнях, и всё бежали, бежали, бежали...

А потом их набралось достаточно, чтобы дядя стал атаманом разбойничьей шайки. У его людей совершенно не было ни средств, ни земель, ни желания делать что-то, кроме как нападать на путников и отбирать их ценности.

Но дядя пресёк это. Он был умён, хитёр и справедлив, он научился вычислять тех градоуправляющих, что забирали себе деньги рабочих, научился грабить заводы, крупных дельцов, зажиточных купцов, в общем, всех тех, у кого было достаточно денег, чтобы делиться.

“Мне надоело бегать!” – сказала ему как-то Михалина. И тогда, вернувшись, дядя принёс ей подвеску. Красивую, из полупрозрачного зелёного камня, под цвет глаз, в ажурной кайме. Он вручил украшение племяннице, надел ей на шею и сказал: “Тогда мы больше не будем убегать. Ты – княжна, и ты будешь гордо стоять, подняв голову”.

И Лина стояла. Она никогда не ходила на “дела” (так шайка называла разбойные нападения), но зато училась разбираться с бумагами, училась разговаривать с торговцами в городах и понимать их слабые места.

Лина училась выживать и управлять.

А людей в шайке становилось всё больше и больше, поскольку дядя тоже учился. Он говорил и убеждал, и, по мере того, как на земле Папоротников и Цапель всё становилось хуже и хуже, люди тянулись к нему сильнее и сильнее. А он вёл их под самым ярким знаменем – Михалиной. Она была как две капли воды похожа на убитую княгиню: смоляные волосы, бледная кожа, зелёные глаза, тонкие губы и прямой точёный нос. Поставь рядом с портретом – не отличить. Пожилые вельможи, заставшие правление Зары, ахали, падали в ноги и причитали. Потом сватали Лине сыновей (а иногда даже дочерей) и всё пытались занять удобное место рядом, в бесконечной вере и надежде на грядущую революцию. Дядя только кивал и осаждал наиболее наглых личностей, предоставляя племяннице возможность самой выбирать приближенных и думать головой.

Поэтому она отсылала большую часть сосватанных: они ей не нравились, в каждом чувствовалась какая-то фальшь. Единственной приятельницей ей долгое время была женщина по имени Ольга, занимавшая одновременно нишу подружки и горничной: она помогала и волосы расчесать, и письмо написать, и платье подшить, и с душевными проблемами разобраться. Ольга могла долго-долго сидеть рядом с княжеской постелью и рассказывать истории о древних временах, о башах, о мышинных карликах, о драконах и маяках, о рыцарях и принцессах, о болотных огнях и подземных гробницах. Она слушала и Линыны размышления о судьбе, которые всегда начинались с «когда я стану княгиней...будет то, то и то» (далее обычно следовали планы её дяди).

Только так и никак иначе.

Иногда Ольга пыталась вытащить подругу погулять, повеселиться. В её глазах княжна всё ещё была подростком (хотя полторы декады и одна зима в глазах Лины – полноценный взрослый человек). Михалина реагировала на песни-пляски сдержанно, с людьми не знакомилась, а в кругах не знавшего её народа характеризовалась как “вежливая, но высокомерная”.

Лину устраивало.

Всё поменялось, когда одну зиму назад к ним присоединился Алех. Он ворвался в зал амбара-терема, пересёк его, рухнул на колени перед Михалиной, прижимая кулак к своему Свету и, подняв на княжну горящий взгляд, чуть ли не прокричал:

– Я клянусь верой и правдой служить вам и вашему делу, княжна Михалина!

Дядя взял его под локоть и еле поставил на ноги: в парне было слишком мало сил.

Лина тогда рассмеялась. Мало кто выражал ей верность таким необычным и ярким способом.

Когда Алех достаточно отдохнул и спустя два дня присоединился к обеду для светской беседы, то очень быстро заинтересовал Лину. Оказалось, что во время Резни (так называлось восстание, когда Лина потеряла мать), Алех тоже бежал из города, ведь его отец был одним

из гвардейцев Зары. Убежали они недалеко, иногда тайком возвращались в город и ужасались событиям, которые разворачивались под гнётом нового князя-узурпатора.

Алех рос на рассказах о великой княгине и о её потерянной дочери.

А затем, когда он вырос, дошёл слух о банде Агатоша. Они уже не слишком скрывались, понимая, что рано или поздно придётся выступить с заявлением. После этой вести Алех попрощался с отцом, пообещал вернуться с княжной и восстанием, сел на оленя и поскакал искать “свою повелительницу” (так он её называл) по всему Калахуту. Нашёл летом.

Сначала Михалина просто приглядывалась к новому рекруту к его смешной манере стоять по струнке, к очаровательной привычке собирать тёмные волнистые волосы в хвост, к тому, как он стрижёт бороду; к тому, как щёлкает пальцами, когда думает о чём-то.

Он целовал Лине руки, приносил подарки, рассказывал истории, но всегда держался в стороне: не лез с предложениями, не докучал, просто был рядом, но в отдалении. Постепенно, ведомая любопытством, Лина сама начала проявлять к нему знаки внимания. Совсем чуть-чуть, не достаточно, чтобы он всё понял, но достаточно, чтобы начал подозревать.

Конечно, она сомневалась в чистоте его намерений – уж слишком он ратовал за идею восстания.

Но всё же ей хотелось в него верить, как всякому человеку хочется надеяться на любовь и понимание.

А что Алех делать умел – так это завоёвывать любовь. И не любовь женщин или мужчин, а любовь толпы. Алех мог улыбнуться, сказать с глазами, сияющими как Великие Маяки, что пора бы отказаться от рыбы совсем, рыба должна быть свободна и плавать в море, а не в супе, и половина его слушателей немедленно выпускали улов обратно в солёные воды.

Дядя очень радовался: с тех пор, как юный оратор появился у них, ряды повстанцев пополнились примерно на треть.

Вот и сейчас небольшой отряд уехал не только на очередное дело с непутёвым землевладельцем, но и на вербовку. А Михалина сидела в амбаре-тереме и ждала.

Иногда она выходила к людям, они ей кланялись, улыбались, а она кивала и иногда улыбалась в ответ, но ей казалось, что всего этого мало. Словно ей до сих пор дают играть в игрушки, а она-то давным-давно выросла.

Ей впору играть с людьми. Но она не умела.

Так она думала, выходя в зимнюю ночь, бесснежную на этой земле, и ожидая своих людей. Кого они приведут в этот раз? Крестьян? Мастеров? Стариков?

Лина смотрела в поле, но не видела проблеска огней. Только огромная тень отделилась от верхушки леса и полетела ввысь.

Никита схватился за кувалду: сов он боялся больше, чем войны.

Лина же их не опасалась. Она была уверена в собственной неуязвимости и презрительно глянула на спутника:

– Ольха мне рассказывала про сов, Никита. Тебе нечего бояться.

– Угу, да вот только если Ольха с вами об этом толковала, то надобно знать, что они своими глазницами просто у вас Свет похитят, и всё, поминай как звали.

– У меня никто ничего не украдёт.

– Конечно, княжна! Вас саму украдут! Вы вон какая худенькая – сове на один зубок! Или клювик? Что там вообще у сов?..

Не удостоив его ответом, княжна поглубже закуталась в шаль.

Вот если бы прилететь в город Папоротников и Цапель на сове и заявить о своих правах, вот тогда узурпатор сразу бы сгинул. Это было бы красиво. И, возможно, более осуществимо, чем планы дяди....

Просто прилететь и срубить голову тому, кто прогнал её семью. И всё, никаких долгоиграющих планов, армии, тактик, стратегий. Просто вражеская голова на плахе. Ах, хорошо бы!

Она поджала губы, вспомнив рассказы об этом человеке. Мужчина по имени

Багра́т, решивший, что он сможет править лучше всех, ведь он знает, как! Его не интересовали ни вековая история, ни мудрость поколений, просто в один момент он забрал себе желаемый трон. И это далось ему немалой кровью.

Но ничего, ничего! Они с дядей вернут престол, пусть придётся пожертвовать многим. Город Папоротников и Цапель снова вернётся к ним.

Лина, конечно же, могла заявить, что всё, что она делает – ради мести за родителей, но это было бы лицемерием. Она их не помнила и не скучала. Знала, кем были, какими были, немного жалела о невозможности знакомства, но не более. Дядя заменил ей и отца, и мать, и именно его надежды ей хотелось оправдать, его мечты, а не память незнакомых, но единокровных мертвецов.

Но она была благодарна за наследство.

Под тяжёлыми думами раздался волчий вой.

– Княжна, ну не вернутся они сегодня! – заныл Никита. – Кто ж по темноте поедет в такую даль! Они, небось, не привале сейчас дрыхнут, а поутру двинутся к нам.

Михалине очень не хотелось признавать его правоту, но пришлось: и дядя, и Алех были достаточно осмотрительны, чтобы не наткнуться на волков, сов или болотистую местность, поэтому наверняка разбили лагерь в какой-нибудь роще по дороге.

Развернувшись, отправилась к себе. Никита проводил её до лестницы, пробурчал “спокойнойночкнкняжна” и, получив холодное “добрых снов”, поплёлся прочь.

С чувством некоего разочарования и тоски, Лина упала на кровать. Затем поднялась, скинула бархатное бордовое платье, переоделась в ночнушку. При свете фонаря умылась, заплела волосы в косу, подкинула дров в камин и снова улеглась в постель, наблюдая за спутниками через тусклое стекло. Усталость мягко надавила на веки, но княжна держалась. Она слушала амбар-терем: тихие полуночные разговоры, шёпот и стоны влюблённых, чей-то плач, разговоры о жизни за столом и кружкой браги. Думала о них, как о своих людях, хотя была от них далека. Примерно так же, как спутник, как таинственный остров Цветов и как заветный город Папоротников и Цапель.

Ей всё чаще и чаще хотелось измениться, быть не просто символом.

Но она не знала, как.

Глава шестая

Пепелище

Анжей

Долгое время в мире царила тишина. Слёзы текли против воли, глаза болели, Анжей пытался их тереть и прокашляться одновременно: что-то забило ему горло, вкус гари осел на языке, голова раскалывалась. Он сплюнул, проморгался, пытаясь собрать видимое во что-то более-менее цельное. Получалось плохо: всё было чёрным и пыльным.

Сев на колени и закрыв глаза, замер, пытаясь привести в себя в порядок. Пальцы сестры всё ещё крепко сжимали его ладонь, он слышал её ворчание, поэтому не волновался так сильно. Если она здесь – всё хорошо.

– Анж, Анж! – сказала она хриплым голосом. – Анж, как ты?

– Пытаюсь понять. А ты?

– Уже лучше, но голова болит... Слушай, Анжей. Это не очень похоже на остров Цветов.

– В смысле?

– Ну, я думала на острове Цветов будут цветы.

Тут ему пришлось открыть глаза. Пришлось увидеть.

Сначала была зола. Он стоял коленями на чёрных головёшках, в воздухе витал пепел и запах гари. Небо грязно-серое, с охрой.

А вокруг лишь обгоревшие могилы деревьев: сожженные кривые стволы, обломки прекрасных ясеней, могучих дубов и уютных елей, которые сохранились лишь в воспоминаниях – сейчас невозможно было понять, призрак какого дерева стоял неподалёку, все были одинаковыми голыми палками на чёрной земле.

И ни одного цветка.

Анжей вскочил, огляделся. Безумная мысль, что это, может, другой остров, неправильное место или дурная шутка пролетела у него в голове, но тут же ушла, оставив место только болезненной горечи.

Когда-то здесь всюду цвели тюльпаны, астры, лютики. Розовые ограды росли лабиринтом, поляны пионов и васильков, на которых танцевали баши, простирались до самого леса. Незабудки, словно ковёр, росли по всей чаще, а фруктовые деревья цвели вечность, раз за разом даруя новые плоды. Животные бегали, не боясь, птицы пели и днём, и ночью, пчёлы летали от соцветия к соцветию, и маленькие мыши, добрые и безобидные, а не такие, как те, что живут рядом с людьми, засыпали прямо в тюльпановых бутонах. Остров был таким пёстрым, что иногда болели глаза.

Сейчас же глаза болели только от смога.

Это была могила.

Анна крепче сжала его руку, тревожно глянула:

– Это он? Тот самый остров?

– Да.

– Ужас какой...

Анжей кивнул. Слово “ужас” только что приобрело для него новое значение.

Сжал кулаки. Закрыл глаза.

Вдохнул, напомнив себе, что пришёл не для того, чтобы скорбеть о утерянной земле. И, хотя сложно было представить, что в этом пепелище хоть кто-то мог уцелеть, Анжей пошёл вперёд.

Сестра засемила за ним, тревожно оглядываясь.

– Анж, я не думаю...

– Не надо, пожалуйста.

Она замолкла.

Они обернулись, чтобы запомнить место перехода. Два огромных чёрных бревна, сложенных крест-накрест. Когда-то между ними была дверь, через которую некоторые счастливыцы выходили к людям, или некоторые несчастные попадали к башам.

Начался лес. Каждый шаг поднимал в воздух чёрные облачка.

– Смотри, Анжей.

Анна указала на тропу впереди. Там, распластавшись по земле, лежало что-то, что когда-то было похоже на человека, а теперь оказалось чёрно-алым куском плоти с очертаниями рук и ног. Вид запеченного мяса и поза – неудачная попытка к бегству – вызвали старый животный страх.

– Бедняга, – сестра отвела взгляд.

Дышать стало сложнее. Думать о том, кто же это мог быть, совершенно не хотелось.

Они пошли дальше, находя всё новые и новые обгорелые тела: людей, башей, птиц и животных. Некоторые деревья продолжали гореть изнутри – прожилки между корой светились красным. Из-под земли поднимался удушливый дым и местами приходилось делать большой крюк, чтобы обойти опасные места, где почва пружинила и обжигала подошвы.

Было страшно жарко и душно, пришлось скинуть тёплые куртки и шлемы, повязав их на пояса. Это немного замедляло, но хотя бы позволяло дышать.

Анжей всё шел и шел вперёд, несмотря на трупы. Если бы смотрел, то неизменно начинал бы думать, кто это. Ему было жаль каждого погибшего, но останавливаться и скорбеть он себе не позволял.

– Анжей, – Анна резко остановилась. – Куда мы идём?

Он немного помедлил:

– Думаю, во дворец. Он же там жил.

– Это тот дворец, который как огромное дерево?

– Да.

Овечка устало на него поглядела, прикусила губу.

– Это который настолько огромный, что его видно из любой точки острова?

– Да.

– Но мы не видим его сейчас.

– Да...

И тут эта простейшая и ужаснейшая мысль настигла его: дворец сгорел! Дворец, который был тут вместо Маяка, который был сутью и смыслом острова! Который был домом всех башей и домом Грана!

А значит, что убежища больше нет, и где искать тогда? Или он давно нашел, но не узнал?

С нарастающим страхом Анжей посмотрел прямо в карие глаза сестры:

– Что же делать? – спросил он, надеясь, что она откуда-то знает ответ.

– Ну, если бы я не хотела сг... чтоб меня настиг огонь – я бы пошла к морю. Тут далеко до моря?

– Нет, совсем близко.

– Ну так пошли посмотрим там.

И они свернули к шуму волн. Когда-то по пути росла магнолия, но теперь от неё ничего не осталось, так что шли быстро.

Под ногой Анжея раздался хруст. Посмотрев вниз, он понял, что не заметил сгоревшее тело и наступил прямо на череп, отколов ему челюсть.

Подавив тошноту, зажмурился, вытащил ботинок и, пробормотав извинения, пошёл дальше.

По мере того, как вода робко показывалась из-за холмов, становилось легче дышать: солёный бриз перебивал гарь и приносил глотки свежего воздуха.

Море появилось во всей красе и, пусть остров умер, но бирюзовые волны оставалась такими же, как и целую вечность назад. Это немного успокоило.

– Море уцелело, – сказал Анжей сестре, хотя было совершенно очевидно, что никуда оно не денется.

– Ну, а я про что!

Они спустились с холма, поднимая ворохи золы и пачкая одежду. Берег был покрыт золотистым песком, и это очень странно смотрелось на фоне пепелища, будто кто-то вырезал кусок иллюстрации и вклеил в чёрно-белую книжную страницу.

Но, приглядевшись, Анжей заметил, что и песок был испорчен: он перемешался с пеплом и потерял былой блеск.

Ракушки остались. Ракушки бессмертны.

В остальном же на пляже было пусто.

Он не успел снова отчаяться, с Анной это было решительно невозможно: схватив брата за рукав, она потащила его вдоль берега, бормоча:

– Да ты что, мы же вышли в случайном месте, а тут, небось, такая заваруха была, что и не разберёшь, куда бежать! Видишь, какие холодные волны? Конечно, в них легко спрятаться, а

потом сесть где-нибудь на берегу и... ну... ждать, например. Поэтому пошли, если надо – весь остров кругом обойдем, ничего страшного, не волнуйся.

Но тревогу в голосе она скрыть не могла, хоть и старалась – Анжей это знал.

Он шёл и шел, ракушки хрустели под ногами, а примирение с неизбежным настигало. Смотрел в небо, туда, где оно целует море и вспоминал, как сидел тут, на этом берегу, целую вечность назад. Как они сидели вдвоём, собирая истории для книги...

А, ну да, их книга. Она точно сгорела, тут и думать нечего.

Анна остановилась так резко, что Анжей налетел на неё, чуть не сбив с ног. Не говоря ни слова, сестра ринулась вперед, а он не мог, что такого увидела она – коряги да скалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.